

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Тольяттинский государственный университет»
Институт права

(наименование института полностью)

Департамент публичного права
(наименование)

40.03.01 Юриспруденция

(код и наименование направления подготовки / специальности)

Уголовно-правовой

(направленность (профиль) / специализация)

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА (БАКАЛАВРСКАЯ РАБОТА)

на тему «Место оперативно-розыскной деятельности в расследований преступлений»

Обучающийся

А.И. Тихонов

(Инициалы Фамилия)

(личная подпись)

Руководитель

канд. юрид. наук, Ю.О. Мещерякова

(ученая степень (при наличии), ученое звание (при наличии), Инициалы Фамилия)

Тольятти 2025

Аннотация

Актуальность исследования обусловлена значимостью места оперативно-розыскной деятельности (далее также - ОРД) в расследовании преступлений, а также проблемами практики указанного вида деятельности.

Современная судебная практика 2024 года демонстрирует существенные расхождения в интерпретации положений Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации относительно применения и использования информации, добытой посредством оперативно-розыскных мероприятий. Многочисленные прецеденты указывают на отсутствие единообразного подхода к толкованию соответствующих правовых норм среди представителей судебной системы при оценке допустимости оперативно-розыскных материалов в качестве доказательств.

Цель исследования: комплексный анализ особенностей и определение места оперативно-розыскной деятельности в расследовании преступлений, выявление проблем в данной и поиск путей их решения.

Поставленная цель достигается решением следующих задач исследования: раскрыть понятие, задачи и принципы оперативно-розыскной деятельности; рассмотреть правовое регулирование оперативно-розыскной деятельности; выявить значение результатов оперативно-розыскной деятельности в уголовном судопроизводстве; охарактеризовать особенности криминалистического обеспечения оперативно-розыскной деятельности; сформулировать проблемы фальсификации результатов оперативно-розыскной деятельности; проанализировать проблемы информационного обеспечения оперативно-розыскной деятельности.

Структура работы бакалаврской работы обусловлена целью и задачами исследования, и состоит из введения, трех глав, шести параграфов, заключения и списка используемой литературы и используемых источников.

Оглавление

Введение	4
Глава 1 Теоретические аспекты оперативно-розыскной деятельности	7
1.1 Понятие, задачи и принципы оперативно-розыскной деятельности. 7	
1.2 Правовое регулирование оперативно-розыскной деятельности.....	15
Глава 2 Характеристика роли оперативно-розыскной деятельности в расследовании преступлений	22
2.1 Значение результатов оперативно-розыскной деятельности в уголовном судопроизводстве	22
2.2 Особенности криминалистического обеспечения оперативно- розыскной деятельности	31
Глава 3 Проблемы оперативно-розыскной деятельности в расследовании преступлений.....	388
3.1 Проблемы фальсификации результатов оперативно-розыскной деятельности	38
3.2 Проблемы информационного обеспечения оперативно-розыскной деятельности	53
Заключение.....	63
Список используемой литературы и используемых источников	68

Введение

Актуальность исследования обусловлена значимостью места оперативно-розыскной деятельности (далее также - ОРД) в расследовании преступлений, а также проблемами практики указанного вида деятельности.

В частности, анализ обращений граждан в Конституционный Суд РФ демонстрирует значительную долю жалоб, связанных с использованием оперативно-розыскной информации при раскрытии коррупционных преступлений. Многочисленные исследования материалов правоприменительной практики выявляют необходимость модернизации механизмов оценки результатов оперативно-розыскной деятельности. Особую актуальность приобретает задача уточнения правовых норм, регламентирующих процедуру применения сведений, добытых оперативным путем, при расследовании различных категорий преступных деяний, включая коррупционные составы.

Согласно данным статистики, за 2024 год за преступления коррупционной направленности вынесено 22 014 обвинительных приговоров по основным составам и в качестве дополнительной квалификации. Это на 7,3% больше, чем в 2023 году [59].

Неоднозначная правоприменительная практика относительно результатов оперативно-розыскной деятельности демонстрирует существенные расхождения в подходах судей к оценке доказательственной базы. Многолетняя дискуссия среди представителей судебной системы по вопросу признания оперативных материалов доказательствами сохраняет актуальность. Значительная часть представителей судейского корпуса признает доказательственную силу оперативных данных без дополнительной процессуальной проверки, тогда как другая часть категорически отвергает возможность включения непроверенных процессуальным путем результатов оперативно-розыскных мероприятий в систему судебных доказательств: «Неопределенность оснований и порядка проведения оперативно-розыскной

деятельности по действующему Закону («Об оперативно-розыскной деятельности» – авт. ВКР) создает условия для произвола власти. Тем самым нарушаются требования ст. ст. 17, 18, 19 и 21 Конституции РФ [37], согласно которым государством признаются и гарантируются равным образом права и свободы граждан, и в частности охраняется достоинство личности. Законодательная неясность формулировок создает предпосылки для произвольных трактовок правовых норм, что противоречит конституционному принципу равноправия перед законом. Государственные органы обязаны гарантировать неприкосновенность человеческого достоинства независимо от ведомственных или общественных интересов, исключая любые попытки принижения фундаментальных прав личности» [63, с. 23]. Современная судебная практика 2024 года демонстрирует существенные расхождения в интерпретации положений Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) [95] относительно применения и использования информации, добытой посредством оперативно-розыскных мероприятий.

Объект исследования: уголовно-процессуальные отношения в сфере регулирования оперативно-розыскной деятельности в расследовании преступлений.

Предметом исследования являются нормы законодательства и практика правоприменения, регулирующие вопросы регулирования оперативно-розыскной деятельности в расследовании преступлений.

Цель исследования: комплексный анализ особенностей и определение места оперативно-розыскной деятельности в расследовании преступлений, выявление проблем в данной и поиск путей их решения.

Поставленная цель достигается решением следующих задач исследования:

- раскрыть понятие, задачи и принципы оперативно-розыскной деятельности;

- рассмотреть правовое регулирование оперативно-розыскной деятельности;
- выявить значение результатов оперативно-розыскной деятельности в уголовном судопроизводстве;
- охарактеризовать особенности криминалистического обеспечения оперативно-розыскной деятельности;
- сформулировать проблемы фальсификации результатов оперативно-розыскной деятельности;
- проанализировать проблемы информационного обеспечения оперативно-розыскной деятельности.

Методологическую основу данного исследования составляют общенаучные методы: анализ, синтез, сравнение, индукция, дедукция, а также специальные методы: сравнительно-правовой, формально-юридический, которые позволили всецело исследовать данную тематику.

Теоретическая и нормативно-правовая основа исследования. В последние годы заметно актуализировался научный интерес к проблемам места оперативно-розыскной деятельности, отражаемый в работах таких авторов как А.Р. Белкин, Е.Г. Быкова, А.Н. Гущин, С.А. Дряглина, Б.А. Евстигнеев, В.С. Житина, В.Д. Ларичев, В.П. Легостаев, П.С. Метельский, М.В. Назаров, Н.П. Фролкин, Е.В. Червинский, А.Ю. Шумилов и др. Изучение широкого спектра научной литературы позволяет глубоко познать проблематику, а также выработать авторские позиции по основным вопросам теории и методологии исследования.

Нормативно-правовую основу исследования составили: Конституция РФ, Уголовный кодекс РФ, Уголовно-процессуальный кодекс РФ и др.

Структура работы состоит из введения, трех глав, шести параграфов, заключения и списка используемой литературы и используемых источников.

Глава 1 Теоретические аспекты оперативно-розыскной деятельности

1.1 Понятие, задачи и принципы оперативно-розыскной деятельности

Оперативно-розыскная деятельность, регламентированная Федеральным законом № 144-ФЗ от 12 августа 1995 года [97], представляет собой комплекс специальных мероприятий, реализуемых уполномоченными подразделениями государственных структур. Законодательное определение данной сферы охватывает как открытые, так и конфиденциальные методы работы компетентных органов, направленные на обеспечение защиты конституционных прав граждан, охрану материальных ценностей и поддержание государственной безопасности от криминальных угроз.

Современное российское законодательство демонстрирует непоследовательность при написании термина «розыскной» применительно к оперативным мероприятиям. Разные федеральные нормативные акты, включая Уголовный кодекс РФ, используют написание через «а», тогда как профильный Федеральный закон об оперативно-розыскной деятельности закрепляет написание через «о».

Унификация терминологии требует следования варианту написания, закреплённому в базовом законодательном акте - «розыскная». Данная формулировка представляется единственно корректной для использования в правовом контексте. Написание «разыскная» выходит за рамки юридической терминологии. Приведение всех упоминаний термина к единому написанию через «о» позволит устранить существующие разночтения в российском законодательстве [25].

Согласно ст. 13 профильного закона, правом осуществления оперативно-розыскной деятельности (далее - ОРД) на территории Российской Федерации наделены оперативные подразделения следующих ведомств:

Министерства внутренних дел РФ, Федеральной службы безопасности РФ, Федеральной службы охраны РФ, Федеральной таможенной службы РФ, Службы внешней разведки РФ, Федеральной службы исполнения наказаний РФ.

Подразделение военной разведки Министерства обороны Российской Федерации реализует специальные розыскные действия исключительно для защиты внутренней безопасности, не вмешиваясь в компетенции других ведомств.

Сотрудники оперативных служб совместно с персоналом уголовно-исполнительной системы проводят необходимые мероприятия на территории следственных изоляторов.

Законодательство определяет основные направления оперативно-розыскной деятельности:

- предотвращение противоправных действий включает выявление, пресечение преступлений и установление причастных лиц. Розыскная работа охватывает поиск скрывающихся от правосудия граждан, уклонистов от наказания, пропавших без вести людей;
- сбор сведений направлен на обнаружение угроз безопасности государства в военной, экономической, информационной или экологической сферах;
- обеспечение исполнения судебных решений требует поиска имущества для удовлетворения гражданских исков, штрафных санкций и конфискационных мер [36].

Оперативно-розыскная деятельность базируется на фундаментальных правовых нормах, гарантирующих соблюдение конституционных свобод граждан при одновременном применении открытых и секретных методов работы.

Реализация оперативно-розыскных мероприятий требует от уполномоченных структур неукоснительного соблюдения конституционных

гарантий неприкосновенности жилища, тайны переписки и защиты частной жизни граждан.

Граждане, чьи права оказались ущемлены вследствие проведения оперативно-розыскных мероприятий, обладают законным правом обращения с жалобой в вышестоящие инстанции, органы прокуратуры или судебные учреждения.

Субъекты, непричастность которых к противоправным деяниям установлена процессуальным путем через отказ в возбуждении или прекращение уголовного производства, при наличии сведений о проведенных в отношении них оперативно-розыскных действиях вправе запрашивать полученную информацию с учетом ограничений режима секретности и защиты государственной тайны.

Законодательство накладывает строгие ограничения на деятельность субъектов оперативно-розыскной работы. Федеральным структурам запрещено осуществлять оперативные мероприятия для обслуживания интересов партийных, общественных либо религиозных организаций. Негласное внедрение представителей оперативных служб в государственные органы власти различных уровней, а также легальные общественные объединения с целью манипулирования их деятельностью признается противозаконным. Разглашение конфиденциальных сведений о частной жизни граждан, полученных в ходе оперативной работы, недопустимо без документального согласия затронутых лиц, кроме особых случаев, регламентированных законом. Прямое или опосредованное подстрекательство к нарушению закона квалифицируется как провокация и строго запрещено. Фальсификация материалов оперативно-розыскной деятельности считается преступлением против правосудия.

Законодательство Российской Федерации определяет результаты оперативно-розыскной деятельности как информационный массив, полученный согласно профильному федеральному закону, включающий данные о подготовке и совершении преступных деяний, причастных субъектах

и лицах, уклоняющихся от правосудия. Уголовно-процессуальное законодательство регламентирует процедуры судопроизводства на российской территории, охватывая досудебные и судебные стадии рассмотрения уголовных дел.

Процессуальная деятельность начинается с момента регистрации заявления о преступлении, явки с повинной, рапорта об обнаружении криминальных признаков либо прокурорского постановления о передаче материалов следственным органам. Завершающей точкой досудебного производства становится направление прокурором материалов дела для судебного рассмотрения.

Практическое значение результатов оперативно-розыскной работы существенно шире законодательно закреплённого определения, что подтверждается положениями профильного закона. Полученные сведения включают информацию о пропавших гражданах, имуществе, подлежащем конфискации, достоверности декларированных доходов должностных лиц и множество других значимых данных [108].

Научное определение оперативно-розыскной деятельности (ОРД) представляет существенную методологическую сложность. А.Ю. Шумилов рассматривает данную деятельность через призму социально-правовой активности, характеризуя ОРД как специфическую форму государственно-властной работы компетентных органов для достижения общественно значимых целей.

Многоаспектный характер ОРД обуславливает необходимость дифференцированного подхода к определению данного понятия. Узкая трактовка характеризует ОРД как законодательно регламентированную систему конспиративных и гласных действий уполномоченных субъектов, применяющих специальный инструментарий для защиты социальных интересов при невозможности использования альтернативных правовых механизмов.

Расширенная интерпретация ОРД модифицирует целевую составляющую деятельности, акцентируя внимание на обеспечении комплексной безопасности личности, социума и государственных институтов, выходя за рамки исключительно антикриминальной направленности [60].

Концепция Б.А. Филимонова представляет оперативно-розыскную деятельность как специфическую форму социально-значимого человеческого труда, акцентируя внимание на познавательной сущности данного процесса [44]. Методологический анализ позволяет рассматривать оперативно-розыскную работу как прикладное исследовательское направление, сопоставимое с другими областями научного познания при наличии уникальных методических, инструментальных и предметных характеристик [99].

Развивая данную концепцию, Б.А. Филимонов определяет оперативно-розыскную деятельность как специфическую правоохранительную функцию, реализуемую уполномоченными законом субъектами преимущественно через конфиденциальные оперативные мероприятия. Данная деятельность, сопряженная с ограничением конституционных прав граждан при строгом надзоре, направлена на сбор, верификацию и анализ оперативной информации для противодействия преступности, защиты жизни, здоровья, прав людей, охраны собственности и обеспечения государственной безопасности [99].

Оперативно-розыскная деятельность, согласно научным трудам А.В. Можарова, представляет собой комплексную систему мероприятий специализированных подразделений государственных структур, реализуемых открытыми либо конфиденциальными методами при строгом соблюдении законодательных норм для обеспечения защиты охраняемых уголовным правом объектов [56]. В.П. Легостаева раскрывает сущность оперативно-розыскной деятельности через призму целенаправленного сбора сведений о значимых для оперативных задач субъектах и обстоятельствах, акцентируя внимание на поисковом характере данной работы [49].

Широкая трактовка оперативно-розыскной деятельности по К.К. Горяинову подразумевает комплекс мер по обеспечению общественной и личной безопасности граждан. Узкое понимание ОРД характеризуется как специфическая форма государственной правоохранительной работы, регламентированная федеральными нормативными актами, включающая применение негласных и открытых методов специально уполномоченными субъектами. Данная деятельность реализуется через систему оперативно-тактических действий, использование специальных средств и принятие значимых решений для защиты общества при невозможности достижения поставленных целей иными законными способами [14].

Согласно научной концепции А.Н. Гущина, оперативно-розыскная деятельность представляет собой уникальный государственный инструментальный, реализуемый специально уполномоченными органами власти для достижения общественно значимых целей. Правовое регулирование данной деятельности осуществляется посредством законодательных актов, при этом сущность ОРД выходит за рамки сугубо юридической сферы ввиду наличия особых объектов воздействия и специфических фактических взаимоотношений между субъектами [15].

Белорусский исследователь И.И. Басецкий предлагает системное определение оперативно-розыскной деятельности как комплекса разведывательно-поисковых мероприятий, основанных на научных, правовых и морально-этических принципах. Реализация данных мероприятий возлагается на уполномоченные государственные структуры и должностных лиц, применяющих открытые и конфиденциальные методы противодействия преступности [4].

Оперативно-розыскная деятельность представляет собой комплексную систему разведывательно-поисковых мероприятий, базирующуюся на научных, правовых и этических принципах. Уполномоченные государственные органы и должностные лица реализуют данные мероприятия посредством применения открытых и конфиденциальных методов для

предупреждения преступлений, поиска скрывшихся правонарушителей и пропавших граждан.

Законодательная формулировка понятия оперативно-розыскной деятельности соответствует принятым юридико-техническим нормам и сложившейся практике. Ключевыми характеристиками данного вида правоохранительной работы выступают легальный статус, государственная принадлежность, системная организация, направленность на защиту прав граждан, комбинирование открытых и конфиденциальных методов [58].

Приоритетной задачей оперативно-розыскной деятельности становится обеспечение безопасности личности, социума и государственных институтов от криминальных угроз. Существующее законодательное определение содержит определенные несовершенства, препятствующие признанию данной формулировки образцовой. Научное сообщество критически оценивает позицию законодателя относительно реализации оперативно-розыскной деятельности исключительно через проведение оперативно-розыскных мероприятий [7].

Законодательная формулировка оперативно-розыскной деятельности нуждается в существенной доработке ввиду наличия серьезных правовых пробелов. Непоследовательность нормативного регулирования проявляется при анализе частей 2 и 3 статьи 7, а также статьи 8.1 Федерального закона об ОРД, где оперативным подразделениям вменяются задачи, не связанные с борьбой против преступных деяний. Отсутствие законодательного закрепления статуса ОРД как элемента правоохранительной системы существенно снижает эффективность правового регулирования данной сферы [67]. Принимая во внимание сущностные характеристики государственной деятельности по охране права, осуществляемой специально уполномоченными органами посредством применения юридических мер воздействия в строгом соответствии с законом, включение термина «правоохранительная» в дефиницию ОРД представляется обязательным условием совершенствования законодательства [107].

Оперативно-розыскная деятельность реализуется специализированными подразделениями уполномоченных органов через комплексную систему мероприятий. Руководящий состав ведомств, несмотря на отсутствие прямой принадлежности к оперативным структурам, выступает ключевым звеном организации розыскного процесса. Множественные упоминания полномочий руководителей в различных статьях федерального закона (ч. 6, 7 ст. 8, ч. 3 ст. 9, ч. 4 ст. 11, ч. 1 ст. 12, ч. 1, 3 ст. 19, ч. 2 ст. 21, ст. 22) подтверждают их существенную роль в координации оперативной работы.

Практический опыт демонстрирует значительное расхождение между законодательно установленным перечнем оперативно-розыскных мероприятий и реальным объемом действий сотрудников. На это указывает А.Е. Чечетин [105]. Многочисленные процессуальные процедуры, включающие задержание подозреваемых лиц, проведение досмотра, организацию засадных мероприятий, доставку задержанных, выходят за рамки формального списка разрешенных оперативных действий [92]. Данное несоответствие вызывает обоснованную критику среди теоретиков и практиков правоохранительной деятельности.

Многообразие терминологических подходов к определению данных следственных действий варьируется от формулировки «альтернативные оперативные мероприятия» [21] до применения более строгой дефиниции «принудительные процедуры» [106] в научной литературе.

Таким образом, оперативно-розыскная деятельность требует четкой правовой регламентации, понятной как специалистам правоохранительных органов, так и широким слоям населения. Международное проведение оперативно-розыскных мероприятий по распоряжению Президента РФ нуждается в существенной законодательной доработке.

Совершенствование правового регулирования оперативно-розыскной деятельности за рубежом предполагает включение соответствующих положений в международные соглашения о правовой помощи при

обязательном согласовании с уполномоченными органами принимающего государства.

Федеральный закон №144-ФЗ закрепляет основные задачи оперативно-розыскной деятельности. Научное сообщество предлагает различные классификации данных задач. Приоритетными направлениями выступают профилактика и раскрытие преступлений, поиск скрывающихся от правосудия лиц, розыск пропавших без вести граждан. Существенное значение имеет получение сведений об угрозах национальной безопасности России во всех ее аспектах, включая военную, экономическую, информационную и экологическую сферы, а также обнаружение имущества, подлежащего конфискации.

1.2 Правовое регулирование оперативно-розыскной деятельности

Современные методы документирования уголовно наказуемых деяний существенно отстают от стремительно развивающихся способов совершения противоправных действий. Оперативно-розыскные мероприятия (далее - ОРМ) значительно превосходят традиционные процессуальные инструменты по эффективности получения доказательственной информации. Статистические данные за январь-май 2025 года демонстрируют масштабность проблемы расследования высокотехнологичных преступлений, включая 249 тысяч правонарушений в сфере информационно-телекоммуникационных технологий, 1 332 преступления террористической направленности и 775 деяний экстремистского характера [39].

Историческая ретроспектива развития оперативно-розыскной деятельности демонстрирует неразрывную связь розыскных мероприятий с уголовным процессом, впоследствии трансформировавшуюся в автономное направление правоохранительной системы. Периодизация становления оперативно-розыскной работы включает дореволюционную эпоху (X-

XX века), советский период (1918-1991 годы) и новейший этап развития (с 1992 года по настоящее время) [45].

Истоки современных методов розыска берут начало в древнерусских правовых документах. Договор между Русью и Византией 911 года закреплял право на возмездие за убийство русского подданного и конфискацию собственности виновного родственниками жертвы. Русская Правда содержала положения о «закличе», «своде» и «гонении следа», формируя базовые принципы розыскной деятельности [24].

Разграничение следственных и розыскных полномочий произошло при Петре I через создание полицмейстерской канцелярии в 1718 году. Согласно указу, после поимки преступников полиция направляла материалы в Юстиц-коллегию для проведения расследования.

Свод законов Российской империи 1832 года выделил уголовно-судебную полицейскую деятельность как отдельный правовой институт, заложив основу современного дознания и оперативно-розыскной работы.

Реформы Александра II в 1860 году закрепили разделение розыскной и следственно-судебной функций через принятие Наказа судебным следователям, Наказа полиции и Устава уголовного судопроизводства. Дальнейшее развитие система получила при Николае II с принятием Закона «Об организации сыскной части».

В период существования СССР нормативно-правовая база оперативно-розыскной деятельности включала множество актов различного характера. Законодательные документы предписывали четкое разграничение следственных мероприятий и розыскных операций. Постановление Народных комиссариатов по внутренним делам и юстиции от 13 октября 1918 года «Об организации Советской рабоче-крестьянской милиции» определяло ключевые функции правоохранительных органов. Статья 28 данного документа наделяла милицию полномочиями проводить розыскные действия и дознание по уголовным преступлениям под надзором народных судей и следственных комиссий. Дополнительно милиция выполняла поручения судебных и

следственных органов по задержанию подозреваемых лиц, доставке обвиняемых для допроса или в суд, а также осуществляла препровождение задержанных в соответствующие народные суды или следственные комиссии [73].

В последующий период ОРД регламентировалась также источниками уголовно-процессуального права: УПК РСФСР 1922 [71], 1923 [70], 1960 гг. [96], Основами уголовного судопроизводства 1958 г. [66]. До политических преобразований 1991 года нормативное регулирование оперативно-розыскной деятельности осуществлялось посредством уголовно-процессуального законодательства, ведомственных актов закрытого характера и решений высших органов государственной власти СССР по вопросам деятельности правоохранительных структур.

Публичные источники права содержали преимущественно декларативные положения без детальной регламентации методов оперативной работы. Отсутствие единого законодательного акта, определяющего процедуры проведения оперативно-розыскных мероприятий и механизм передачи полученных результатов следствию, существенно замедлило становление оперативно-розыскного права как самостоятельной отрасли. Научное сообщество процессуалистов длительное время рассматривало оперативно-розыскную деятельность как вспомогательный инструмент уголовного судопроизводства.

Принятие Закона РФ от 13 марта 1992 г. № 2506-1 «Об оперативно-розыскной деятельности в Российской Федерации» ознаменовало качественно новый этап развития данного института. Законодательное закрепление получили фундаментальные категории, задачи, принципы оперативно-розыскной деятельности, система мероприятий и общие требования к их осуществлению. Данный нормативный акт заложил основу для окончательного формирования самостоятельной отрасли оперативно-розыскного права [23].

В процессе эволюции оперативно-розыскная деятельность, сохраняя вспомогательную роль по отношению к уголовному судопроизводству, претерпела значительные трансформации через пять ключевых этапов развития.

Первым этапом стало законодательное закрепление правовых основ ОРД путем принятия Федерального закона № 144-ФЗ от 12 августа 1995 года «Об оперативно-розыскной деятельности».

Второй этап ознаменовался формированием судебной практики высшими судебными инстанциями, включая разъяснения Верховным и Конституционным Судах РФ механизмов применения результатов ОРД при расследовании и рассмотрении уголовных дел согласно Постановлению Пленума Верховного Суда РФ от 31.10.1995 № 8 [61]; [78].

Третьим значимым шагом выступило создание регламентированного порядка передачи результатов ОРД посредством утверждения соответствующей Инструкции для органов дознания, следователей и судов [86].

Четвертый этап характеризуется введением в действие Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации.

Пятый этап знаменует становление устойчивых механизмов использования результатов оперативно-розыскной деятельности в уголовном процессе.

Историческая парадигма отрицания доказательственной значимости оперативно-розыскной деятельности (ОРД) берёт начало в дореволюционной России, укрепляясь через советский период до современности. Сложившаяся концепция рассматривает ОРД как второстепенный механизм уголовного процесса, характеризующийся недостаточной правовой регламентацией, отсутствием гарантий защиты прав граждан при одновременном обслуживании обвинительных целей органов дознания. Современная практика демонстрирует преобладание высокотехнологичных методов оперативно-розыскных мероприятий (ОРМ), включая контроль телефонных

коммуникаций, перехват цифровых данных, мониторинг технических каналов связи, над традиционными способами идентификации личности или опроса.

Сформированные позиции Конституционного и Верховного Судов, выраженные через решения 1995-1999 годов при становлении законодательства об ОРД и до принятия УПК РФ, затрудняют эффективное развитие механизмов применения результатов оперативно-розыскной работы в уголовном судопроизводстве.

Практика правоприменения положений Постановления Пленума Верховного Суда № 8 устанавливает обязательную процессуальную проверку материалов оперативно-розыскной деятельности следственными органами для признания их допустимыми доказательствами. Процедура верификации данных органов дознания вынуждает следователей направлять повторные запросы для подтверждения уже имеющейся информации. Многократное дублирование сведений, полученных при проведении оперативно-розыскного мероприятия «Наведение справок» от интернет-провайдеров, создает избыточный документооборот в материалах уголовного дела. Длительные сроки получения дублирующих ответов необоснованно затягивают расследование, нарушая принцип процессуальной экономии.

Согласно правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации, закрепленной в Определении от 4 февраля 1999 года № 18-О, материалы оперативно-розыскных мероприятий приобретают доказательственное значение исключительно после надлежащего процессуального оформления в соответствии с нормами уголовно-процессуального законодательства при условии соблюдения требований Федерального закона от 12 августа 1995 года № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности», выступая до этого момента лишь сведениями об источниках фактических данных [62]. Высшая судебная инстанция России обозначила информативный характер результатов оперативно-розыскной деятельности (ОРД) еще в 1999 году, отвергнув доказательственную природу данных материалов. Современная практика применения ОРД демонстрирует

необходимость переоценки этой позиции, поскольку за прошедшие годы оперативно-розыскная деятельность доказала свою эффективность, существенно расширив границы применения полученных результатов. Принципиальное несоответствие наблюдается между решением Конституционного Суда и последующим постановлением Верховного Суда, признавшим возможность использования результатов ОРМ как доказательств, что также подтверждается статьей 89 УПК РФ от 2001 года.

Судебная практика общей юрисдикции демонстрирует устойчивую тенденцию к признанию прямой доказательственной значимости материалов ОРД при надлежащем проведении оперативно-розыскных мероприятий. Документальные результаты оперативно-служебной деятельности регулярно становятся основанием для вынесения обвинительных приговоров. Показательным примером служит решение Ленинского районного суда Махачкалы, где материалы ОРД были признаны достоверными доказательствами согласно положениям статьи 89 УПК РФ [83].

Устаревшая методология применения материалов оперативно-розыскных мероприятий создает существенные барьеры для совершенствования уголовного процесса. Современная правовая доктрина требует пересмотра традиционных подходов к интеграции результатов оперативной работы в систему доказательств. По мнению А.В. Земсковой, накопленный теоретический базис уголовно-процессуального права и сопряженных научных дисциплин не обеспечивает эффективного решения актуальных познавательных задач, выходящих за границы классических концептуальных моделей. Назревшая необходимость формирования обновленных теоретико-правовых оснований призвана расширить возможности использования оперативно-розыскных материалов при осуществлении уголовного судопроизводства [27]. Признание очевидного фактического материала существенно упрощает производство по уголовным делам, минимизируя необходимость дополнительных процессуальных мероприятий для верификации оперативно-розыскных данных.

Многочисленные правовые предпосылки обосновывают целесообразность придания самостоятельного доказательственного статуса результатам оперативно-розыскных мероприятий, осуществляемых при помощи электронно-вычислительных средств на базе судебного постановления, затрагивающих конституционные права граждан.

Таким образом, оперативно-розыскная деятельность представляет собой эффективный механизм правоохранительной системы, обеспечивающий реализацию задач уголовного судопроизводства при наличии четкой правовой регламентации. Комплексный характер ОРД как независимого элемента правоохранительной структуры позволяет восстанавливать нарушенные права граждан, привлекать преступников к ответственности и компенсировать причиненный ущерб. Успешное выполнение отдельных процедур оперативно-розыскного производства, включая регистрацию дел, выявление подозреваемых, инициирование уголовного преследования и формирование доказательственной базы, служит исключительно достижению основополагающих целей правосудия.

Существующая модель применения результатов оперативно-розыскной деятельности создает препятствия для совершенствования уголовного процесса. Модернизация данной системы необходима для гармонизации правовых норм, регулирующих уголовное судопроизводство и оперативно-розыскную работу. Действующее законодательство преимущественно регламентирует использование результатов ОРД через специальный закон и ведомственную инструкцию, минуя положения Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации.

Глава 2 Характеристика роли оперативно-розыскной деятельности в расследовании преступлений

2.1 Значение результатов оперативно-розыскной деятельности в уголовном судопроизводстве

Научно-технологическая революция двадцатого столетия существенно расширила арсенал средств оперативно-розыскной деятельности. Масштабное внедрение цифровых технологий создало принципиально новые возможности проведения оперативных мероприятий. Современные методы документирования преступлений включают применение специальной аппаратуры для фиксации аудиовизуальной информации, анализа электронных носителей данных и других технических средств. Преобладающими формами оперативной работы за последние двадцать лет стали электронное наблюдение, контроль телефонных коммуникаций и мониторинг компьютерных систем. Законность проведения подобных мероприятий обеспечивается многоуровневой системой судебного санкционирования, надзора прокуратуры и техническими ограничениями доступа сотрудников к оборудованию.

Эволюция научных представлений об использовании результатов оперативной деятельности сыскных органов охватывает три исторических этапа: период до 1917 года, советскую эпоху и современность. Фундаментальные труды по теории отечественного уголовного процесса появились в сороковых годах девятнадцатого века благодаря исследованиям Я.И. Баршева [3] и Е.Ф. Колоколова [34]. Уголовно-судебная полиция представляет собой специализированный институт в системе уголовного судопроизводства, выступая предшественником современных форм дознания и оперативно-розыскной работы. Согласно научным воззрениям Я.И. Баршева, полицейская деятельность выполняет «вспомогательную функцию при отправлении правосудия, обеспечивая судопроизводство

необходимыми материалами расследования» [3, с. 45]. Е.Ф. Колоколов представил детальный анализ процессуальной деятельности представителей обвинительной власти, исключая следственный корпус. Земские полицейские чины, жандармские офицеры, пахотные солдаты осуществляли комплексные следственно-розыскные мероприятия без четкой функциональной дифференциации. Полицейские структуры одновременно реализовывали компетенции по обследованию мест преступлений и розыску скрывающихся от правосудия подозреваемых лиц [34, с. 143].

Масштабное реформирование судебной системы Российской империи 1864 года, ознаменованное принятием Устава уголовного судопроизводства, заложило фундаментальные основы развития процессуальной юридической науки. Монографическое исследование А.П. Чебышева-Дмитриева «Русское уголовное судопроизводство по судебным уставам 20 ноября 1864 г.» представляет собой первый значимый научный труд пореформенного периода, посвященный комплексному анализу уголовно-процессуальных правоотношений. Особую научную ценность представляет отдельная глава работы, раскрывающая специфику деятельности полицейских органов при осуществлении розыскных мероприятий, включающих секретное наблюдение, сбор сведений посредством изучения общественного мнения, получение и последующую проверку любой информации о совершенных преступлениях, независимо от степени достоверности источника [103, с. 407].

«Курс уголовного судопроизводства», созданный последователем А.П. Чебышева-Дмитриева И.Я. Фойницким, внес революционный вклад в развитие правовой науки. Монументальный труд представил комплексный анализ теоретико-практических основ российского уголовного процесса, мировых тенденций развития судопроизводства и международной правоприменительной практики. Рассмотрение розыскной деятельности автором носило второстепенный характер без выделения самостоятельного направления. Научный подход И.Я. Фойницкого включал сравнительный анализ полицейского и уголовно-процессуального права, методологию

инициации уголовного производства, механизмы розыска обвиняемых лиц и обеспечения присутствия подозреваемых, определение процессуального статуса органов дознания [100].

Научно-практическая работа В.И. Лебедева значительно повлияла на формирование самостоятельной розыскной деятельности, отделив её от уголовного судопроизводства. Масштабные исследования методологии раскрытия преступлений, проведённые учёным с 1884 года, охватывали опыт российских и зарубежных правоохранительных органов. Систематизация оперативно-розыскных материалов, внедрённая Лебедевым, существенно расширила возможности криминалистики. Передовые технические средства фиксации данных о правонарушениях и подозреваемых, включая фотографирование, дактилоскопию и кинологическое сопровождение, стали неотъемлемой частью следственной работы благодаря его усилиям. Результаты многолетних исследований нашли отражение в фундаментальном труде «Искусство раскрытия преступлений», опубликованном тремя частями между 1909 и 1912 годами [47]; [48].

В трудах В.И. Лебедева научная полиция представлена единым комплексом криминалистических и оперативно-розыскных методов раскрытия преступлений. Фотографические и дактилоскопические методы фиксации улик, изначально применявшиеся при оперативном розыске, впоследствии вошли в арсенал криминалистики, что повлияло на восприятие уголовного сыска процессуальными специалистами. Современные процессуалисты зачастую причисляют к оперативно-розыскной деятельности любые внеследственные мероприятия.

Теоретическое обоснование уголовного сыска, сформированное в 1900-1910 годах, заложило фундамент современной концепции процессуального применения результатов оперативно-розыскной работы.

Революционные события 1917 года затормозили развитие оперативно-розыскной теории. Научные представления об оперативно-розыскной деятельности вплоть до середины XX столетия ограничивались рамками

вспомогательных уголовно-процессуальных мероприятий, регламентированных уголовно-процессуальными кодексами союзных республик и Основами уголовного судопроизводства СССР, либо отождествлялись с криминалистическими методами.

Становление теоретической базы уголовного сыска существенно активизировалось в пятидесятые годы прошлого века благодаря накопленному практическому опыту противодействия преступности и формированию квалифицированного кадрового состава. Высшая школа МГБ СССР приступила к реализации образовательных программ по специальным дисциплинам в 1951 году, а спустя пять лет в структуре Высшей школы МВД СССР начала функционировать профильная кафедра оперативной деятельности. Ведущую роль в теоретическом осмыслении оперативно-розыскной работы продолжали играть специалисты-криминалисты, постепенно осознавая необходимость выделения данного направления в самостоятельную научную дисциплину. Значимым этапом становления науки оперативно-розыскной деятельности стало признание А.И. Винбергом в 1959 году ее самостоятельного статуса, хотя ранее выдающийся криминалист рассматривал данную область исключительно как раздел криминалистики [41]. В научных трудах 1973 года профессор Р.С. Белкин обосновал статус оперативно-розыскной деятельности как отдельного направления научных исследований, характеризующегося собственной методологической базой и специфическим категориальным аппаратом [6].

В научном сообществе периода становления уголовно-процессуального права фундаментальные концепции развивались благодаря работам выдающихся правоведов М.С. Строговича, С.А. Шейфера, П.А. Лупинской, И.М. Лузгина, которые косвенно затрагивали аспекты применения оперативно-розыскной информации.

Значимый вклад в понимание процессуального статуса органа дознания внес М.С. Строгович, определивший характерные особенности оперативно-розыскных мероприятий через призму их внепроцессуального характера.

Законодательное подтверждение данной позиции содержалось в ст. 29 Основ уголовного судопроизводства, ст. 103-105 УПК УССР, ст. 98-100 УПК Узбекской ССР и аналогичных нормах других союзных республик. Обнаружение признаков преступления посредством оперативно-розыскной работы служило основанием для возбуждения уголовного дела, после чего начиналось процессуальное расследование. Дознание как уголовно-процессуальная форма представляло собой логическое продолжение оперативно-розыскной деятельности [93]. Современная правовая доктрина демонстрирует существенную неопределенность правового статуса оперативно-розыскных мероприятий относительно следственных действий, не раскрывая их классификацию и процедурные особенности реализации.

По мнению С.А. Шейфера, результаты оперативно-розыскной деятельности характеризуются несоответствием базовым критериям допустимости доказательств, включая легитимность источника, компетентность субъекта получения информации, законность способов фиксации данных. Специфика методов оперативно-розыскной работы, лишенных процессуальных ограничений следственной деятельности, обуславливает пониженную степень достоверности полученных сведений по сравнению с процессуальными доказательствами [109]. В научных трудах С.А. Шейфера прослеживается признание значимости оперативно-розыскных материалов для следственной работы, включая предложенный механизм интеграции полученных сведений в уголовно-процессуальную сферу через проведение следственных мероприятий с документацией оперативных служб для придания им статуса вещественных доказательств.

Научные позиции С.А. Шейфера и М.С. Строговича, обходя стороной фундаментальные аспекты оперативно-розыскной деятельности, способствовали формированию представлений о второстепенности данного направления работы правоохранительных органов относительно уголовного процесса.

Исследователи советского времени, ограниченные историческим контекстом, не смогли предвидеть кардинальные изменения методологии оперативно-розыскной работы. Научно-технический прогресс второй половины XX века привнес революционные изменения в документирование преступных деяний [13]. Применение электронно-вычислительных устройств в гражданской и правоохранительной сферах трансформировало методы фиксации криминальной информации. Сотрудники органов дознания с 1950-х годов начали активно использовать технические средства при проведении оперативно-розыскных мероприятий, включая контроль телефонных разговоров, перехват данных по каналам связи, специальные методы сбора сведений и наблюдения.

Современная научная мысль демонстрирует глубокий интерес к проблематике применения оперативно-розыскных материалов в уголовном судопроизводстве, что подтверждается множеством фундаментальных исследований [14]. Существенный вклад в развитие концепции использования результатов оперативно-розыскной деятельности внесли выдающиеся правоведы А.В. Земскова, А.Р. Белкин, А.Ю. Шумилов, В.И. Зажицкий, В.К. Зникин, С.В. Зуев, Е.А. Доля, М.П. Поляков. Научное сообщество единодушно признает значимость материалов оперативно-розыскных мероприятий для уголовного процесса, формируя два концептуальных подхода к данному вопросу. Первый подход, представленный работами М.П. Полякова, А.В. Земсковой, В.К. Зникина, С.В. Зуева, обосновывает возможность использования результатов оперативно-розыскной деятельности как самостоятельных доказательств при создании соответствующего правового механизма трансформации [53]. Второй подход, развиваемый А.Р. Белкиным, Е.А. Долей, А.Ю. Шумиловым, В.И. Зажицким, рассматривает материалы оперативно-розыскной деятельности исключительно как информационную основу, категорически отвергая возможность придания данным материалам статуса самостоятельных доказательств [12].

Современная научная дискуссия об оперативно-розыскной деятельности выявляет существенные проблемы в методологических подходах исследователей. Анализ академических работ демонстрирует необоснованное сужение сферы применения результатов ОРД исключительно рамками уголовно-процессуального доказывания. Многие авторы, используя сложные формулировки и противоречивую аргументацию, фактически отвергают доказательственную значимость оперативных материалов. Парадоксальная ситуация возникает при рассмотрении научных позиций отдельных исследователей, допускающих использование результатов ОРД лишь как информационную основу для формирования доказательственной базы через проведение следственных мероприятий с последующим признанием вещественными доказательствами приобщенных материалов [5]. Формирование доказательственной базы, согласно мнению Е.А. Доли, основывается на материалах, полученных в процессе оперативно-розыскной деятельности, при этом сами результаты ОРД выступают исключительно фундаментом для последующего построения системы доказательств в уголовном процессе [17].

Вопрос правомерности использования материалов оперативно-розыскной деятельности (ОРД) требует детального рассмотрения через призму уголовно-процессуального законодательства. Любые сведения, обладающие относимостью к преступному событию или существенным обстоятельствам расследования, подлежат включению в доказательственную базу при соблюдении процессуальных требований [11]. Методологический анализ позиций оппонентов вызывает закономерные вопросы о специфике результатов ОРД среди прочих информационных источников. Законодательное закрепление материальных и процессуальных норм представления результатов ОРД должно иметь обоснованную цель, выходящую за рамки стандартного режима приобщения документов и предметов. Оперативно-розыскная практика, получившая четкую правовую регламентацию с 1992 года, включающая прокурорский надзор и судебный

контроль, заслуживает признания непосредственной применимости при уголовном судопроизводстве [8]. Возможность фальсификации показаний участников процесса сопоставима с достоверностью санкционированных судом результатов оперативно-технических мероприятий по снятию информации с каналов связи.

В п 1.2 данной ВКР нами затронута проблема изжившей себя парадигмы использования результатов ОРД, которая препятствует развитию уголовного судопроизводства.

Современное законодательство требует фундаментального пересмотра правовых механизмов согласования уголовно-процессуальных норм с оперативно-розыскной деятельностью. Федеральный закон об ОРД совместно с ведомственными инструкциями превалируют над Уголовно-процессуальным кодексом РФ при регламентации применения результатов оперативно-розыскных мероприятий в судопроизводстве.

Концептуальный подход М.В. Назарова к реформированию системы использования оперативно-розыскных материалов в уголовном процессе раскрывает следующие ключевые направления:

- законодательное закрепление автономного процессуального статуса результатов оперативно-розыскной работы;
- разработка критериев легитимности непосредственного применения материалов оперативно-розыскных действий, затрагивающих основные права граждан;
- создание эффективных юридических механизмов интеграции оперативных данных в процессуальную сферу;
- определение процессуального порядка признания отдельных результатов оперативно-розыскных мероприятий в качестве самостоятельных доказательств [57].

Законодательная гармонизация представленной концептуальной модели требует всестороннего пересмотра нормативно-правовой базы с акцентом на согласование ключевых положений Уголовно-процессуального кодекса

Российской Федерации и Федерального закона об оперативно-розыскной деятельности. Первоочередному анализу подлежат фундаментальные аспекты назначения уголовного судопроизводства, закрепленные статьей 6 УПК РФ, во взаимосвязи с задачами оперативно-розыскной деятельности, определенными статьей 2 соответствующего закона. Особое внимание необходимо уделить синхронизации механизмов использования результатов оперативно-розыскной деятельности в доказывании, регламентированных статьей 89 УПК РФ, с положениями статьи 11 профильного закона об использовании результатов ОРД.

Наряду с изложенным, считаем необходимым внести в уголовно-процессуальный закон следующие изменения:

во-первых, дополнить положения ст. 74 УПК РФ ч. 3: «В качестве доказательств также допускаются результаты оперативно-розыскной деятельности, полученные в ходе таких оперативно-розыскных мероприятий, как снятие информации с технических каналов связи, прослушивание телефонных переговоров, получение компьютерной информации, наведение справок, проведенных на основании судебного решения, при условии, что такие результаты отвечают требованиям настоящего Кодекса, а также содержат сведения, установление которых путем производства процессуальных действий невозможно либо нецелесообразно»;

во-вторых, дополнить УПК РФ ст. 84.1 «Результаты оперативно-розыскной деятельности»:

«1. Результаты таких оперативно-розыскных мероприятий, как снятие информации с технических каналов связи, прослушивание телефонных переговоров, получение компьютерной информации, наведение справок, допускаются в качестве доказательств в случае, если они отвечают требованиям настоящего Кодекса, а также содержат сведения, имеющие значение для предварительного расследования, вынесения справедливого приговора, установление которых путем производства процессуальных действий невозможно либо нецелесообразно.

2. О признании результатов оперативно-розыскной деятельности в качестве доказательств следователь (дознатель) судья выносит постановление»;

в-третьих, изложить ст. 89 УПК РФ в следующей редакции:

«Статья 89. Использование результатов оперативно-розыскной деятельности

Результаты оперативно-розыскной деятельности могут быть использованы:

1) для подготовки и осуществления следственных и судебных действий, выявления и установления лиц, подготавливающих, совершающих или совершивших преступления, с целью последующего получения доказательств;

2) результаты оперативно-розыскной деятельности могут использоваться в доказывании по уголовным делам в соответствии с положениями настоящего Кодекса, регламентирующими собирание, проверку и оценку доказательств;

3) результаты оперативно-розыскной деятельности могут использоваться для розыска лиц, скрывшихся от органов дознания, следствия и суда, уклоняющихся от исполнения наказания и без вести пропавших, имущества, подлежащего конфискации, т.е. с целью установления обстоятельств, подлежащих доказыванию, предусмотренных частью 1 статьи 74 настоящего Кодекса».

2.2 Особенности криминалистического обеспечения оперативно-розыскной деятельности

Криминалистическая поддержка деятельности оперативно-розыскных подразделений создает фундаментальную основу для эффективного выполнения правоохранительными органами своих законодательно установленных функций через применение специализированных методологических инструментов и технических средств. Научно-

практическая взаимосвязь оперативной работы и криминалистического сопровождения базируется на единой методологической платформе криминалистической науки, определяющей базовые принципы розыскной деятельности. Криминалистическая наука до середины двадцатого столетия служила основным источником разработки методов поиска правонарушителей, установления вещественных доказательств и систематизации значимых данных для раскрытия преступлений. Основоположники научной идентификации личности А. Бертильон, Г. Фолдс, У. Хершел, Ф. Гальтон, Э. Генри, Х. Вучетич, В.И. Лебедев создали антропометрические и дактилоскопические методики, впоследствии внедренные полицейскими службами Франции, Великобритании и Российской империи [33]; [42]; [94]. Криминалистическая литература научно-практического и образовательного характера традиционно включала комплексный анализ методологии поиска правонарушителей, особенностей их поведенческих паттернов и специфических приемов сокрытия преступной деятельности. Руководство И.Н. Якимова по криминалистике представляет фундаментальный труд, охватывающий не только технические аспекты обнаружения и исследования улик, методологию расследования различных категорий преступлений, но и специализированные механизмы ведения уголовного учета, а также тактические приемы следственных действий [111].

В середине прошлого столетия научные положения оперативно-розыскной деятельности обособились от криминалистики, сформировав независимую теоретическую базу. Унаследованная от криминалистики методологическая основа существенно повлияла на формирование специфических средств и методов ОРД.

Классические криминалистические концепции идентификации и диагностики составляют методологический фундамент множества оперативно-розыскных мероприятий, включая сбор сравнительных образцов, установление личности, экспертизу материальных объектов и документации, организацию наблюдения. Современная криминалистическая наука

разработала комплексные методики идентификации человека по дактилоскопическим следам, отпечаткам стоп, особенностям зубного ряда, следам губ, графологическим признакам, физиогномическим характеристикам, акустическим параметрам речи, биологическим маркерам.

Междисциплинарный подход, объединяющий естественнонаучные и технические достижения, позволил создать методики идентификационного и диагностического анализа огнестрельных изделий, боеприпасов, взрывчатых материалов, следов их применения, полиграфической продукции, печатной техники. Данные методики реализуются при проведении оперативно-розыскного мероприятия «исследование предметов и документов» как открытым, так и конфиденциальным способом.

Теория оперативно-розыскной деятельности обогатилась специализированными концепциями идентификации и диагностики, разработанными на фундаменте криминалистических исследований и широко применяемыми аналитическими подразделениями органов [64]; [112]. Профессор Шумилов А.Ю. выдвинул гипотезу о перспективном объединении сысколистики - науки оперативно-розыскного мастерства - с криминалистической дисциплиной, предложив рассматривать данное направление как оперативно-розыскную криминалистику [110].

Оперативно-розыскная деятельность тесно переплетается с криминалистикой, создавая необходимый симбиоз для эффективного расследования преступлений. Успешная реализация оперативно-розыскных мероприятий требует активного участия специалистов-криминалистов, чьи научные, технические и специальные познания законодательно закреплены в части 5 статьи 6 Закона об ОРД. Применяемый криминалистический инструментарий должен обеспечивать получение достоверных результатов, сохранность потенциальных вещественных доказательств по уголовному делу, соблюдая при этом безопасность и законные права граждан [20].

По мнению Н.П. Фролкина, оперативно-розыскная деятельность активно задействует весь комплекс технико-криминалистического

инструментария, что подтверждается многолетней практикой правоохранительных органов и фундаментальными исследованиями юридической науки [101]. Специально-техническое обеспечение оперативно-розыскных мероприятий представляет собой комплексную систему криминалистического и технического инструментария, применяемого оперативно-розыскными органами при противодействии криминальным элементам. Данный инструментарий, регламентированный специализированными нормативными документами, преимущественно задействуется в рамках негласной деятельности при проведении оперативных мероприятий [60]. Криминалистические технические средства составляют существенную часть специальной оперативной техники, применяемой при осуществлении оперативно-розыскной деятельности согласно принципам конспиративности и комбинирования открытых и закрытых методов, установленных законодательством об ОРД.

Криминалистическая наука оказывает многоаспектное влияние на оперативно-розыскную деятельность через методологические основы проведения следственных действий. Методические рекомендации криминалистической тактики лежат в основе множества оперативно-розыскных мероприятий, включая особенности проведения допросов, осмотров и экспериментальных действий.

Разработанные криминалистикой методы ведения допроса включают определение предметной области исследования, установление психологической связи с опрашиваемым, формирование целенаправленных вопросов различного характера, находящие применение при проведении оперативных опросов. Аналогичным образом тактические приемы осмотра мест происшествий адаптируются для негласного обследования помещений, территорий и транспортных средств с учетом требований конспиративности оперативно-розыскной деятельности.

В сфере оперативно-розыскной деятельности формируется новая методологическая база, основанная на системном анализе характерных

признаков противоправных деяний, концептуально перекликающаяся с криминалистическими подходами к исследованию преступности [26]; [46].

Разработка научной подсистемы криминалистического обеспечения оперативно-розыскной деятельности представляет собой неотъемлемый компонент комплексной системы правоохранительной и специальной служебной борьбы с преступностью, включающей уголовно-процессуальную работу следственных органов, судебную практику и прокурорский надзор.

Научное сообщество активно исследовало вопросы технико-криминалистического сопровождения правоохранительной деятельности начиная с 1990-х годов. Б.А. Евстигнеев подчеркивал особую значимость криминалистической поддержки оперативной проверки, предварительных расследований и судебных разбирательств уголовных дел при противодействии организованным преступным группировкам в сложной криминогенной обстановке страны [19].

По мнению профессора Р.С. Белкина, эффективная деятельность правоохранительных органов неразрывно связана с комплексной системой криминалистического обеспечения. Данная концепция охватывает фундаментальные криминалистические знания, профессиональные компетенции сотрудников и методологический инструментарий для предупреждения и расследования противоправных деяний. Научно-практическая структура криминалистического обеспечения включает три взаимосвязанных компонента: «теоретическую подготовку, специализированное образование и материально-техническое оснащение правоохранительных подразделений» [42, с. 64].

Разработанная профессором А.Ф. Волынским концепция криминалистического обеспечения представляет собой комплексную двухуровневую структуру, включающую созидательную и деятельностьную составляющие. Созидательный компонент охватывает формирование необходимой базы для результативного использования криминалистического инструментария, тогда как деятельностьный уровень воплощает практическое

применение криминалистических методов при выявлении и расследовании противоправных деяний [40].

Согласно научным трудам профессора М.Ш. Махтаева, криминалистическое обеспечение оперативно-розыскных органов представляет собой комплексную структуру, включающую теоретические познания и практические компетенции сотрудников в области применения научно обоснованных методик, технических средств и тактических приемов криминалистической науки для эффективного противодействия преступности [54].

Многоаспектная природа криминалистического обеспечения требует комплексного рассмотрения данного феномена через призму различных теоретических концепций. Структурный анализ криминалистического обеспечения позволяет выделить взаимосвязанные подсистемы, включающие общетеоретическую базу, технико-криминалистические положения, тактико-криминалистические основы и методико-криминалистические аспекты.

Специфика применения криминалистического обеспечения в оперативно-розыскной деятельности определяется вспомогательной ролью криминалистических инструментов при организации и проведении оперативно-розыскных мероприятий. Системно-деятельностный анализ криминалистического обеспечения оперативно-розыскной деятельности раскрывает его сущность как комплекса правовых, организационных, научно-методических мер, реализуемых уполномоченными субъектами согласно федеральному законодательству для эффективного применения криминалистического инструментария при решении задач оперативно-розыскной деятельности.

Криминалистическая поддержка оперативно-розыскной деятельности базируется на фундаментальных правовых и организационных положениях, регламентирующих правоохранительную систему. Правовые основы данной поддержки, закрепленные статьей 3 Закона об ОРД, включают конституционные нормы законности, соблюдение гражданских свобод, а

также специфические принципы конспиративности при комбинировании открытых и секретных методов работы.

Организационная структура криминалистического обеспечения опирается на системный подход, рациональное распределение управленческих функций между центральными и местными подразделениями, обеспечение максимальной результативности работы всех элементов механизма. Практическая реализация указанных принципов создает надежную основу для эффективного функционирования системы криминалистического сопровождения оперативной деятельности.

Таким образом, комплексное применение криминалистических методов существенно расширяет возможности оперативно-розыскных органов при выполнении поставленных задач. Научно обоснованная система криминалистического обеспечения включает правовые, организационные, исследовательские и методические компоненты, реализуемые специально уполномоченными субъектами. Основополагающими принципами данной деятельности выступают законность, уважение прав граждан, конспиративность, комбинирование открытых и закрытых методов работы, безопасность участников, этичность, научная аргументация, комплексность подхода, рациональное соотношение централизованного и децентрализованного управления, результативность функционирования всех элементов.

Глава 3 Проблемы оперативно-розыскной деятельности в расследовании преступлений

3.1 Проблемы фальсификации результатов оперативно-розыскной деятельности

В специализированных исследованиях описываются распространённые методы искажения материалов, полученных в ходе оперативно-розыскных мероприятий. Сотрудники оперативных подразделений обладают возможностью манипулировать информацией, предоставляемой процессуальным должностным лицам и судебным инстанциям. Преобразованию могут подвергаться материалы, зафиксированные в электронной форме, а также отражённые в служебной документации.

А.Ю. Сафонов предлагает классифицировать методы искажения оперативных материалов по нескольким основаниям. По характеру воздействия выделяются интеллектуальные и материальные приёмы. Временной критерий позволяет разграничить создание фальсифицированных материалов с нуля, внесение несанкционированных корректив в имеющиеся документы и комбинированные варианты, предполагающие одновременное изменение существующих сведений наряду с формированием новых искажённых данных [89].

Принимая предложенную систематизацию в качестве основы, представляется целесообразным дополнить её указанием на степень охвата. Искажение оперативных материалов может носить тотальный характер либо затрагивать отдельные фрагменты документации.

Например, результаты оперативно-розыскного мероприятия «проверочная закупка» допускают полную фальсификацию. Акт о негласной закупке наряду со справками и рапортами составляется непосредственно оперативным работником. Закупщиком при этом выступает штатный сотрудник соответствующего подразделения. Проведение мероприятия, как

правило, происходит без применения средств аудио- и видеофиксации, изъятое вещество не подвергается криминалистической экспертизе, денежные купюры не изымаются и осмотру не подлежат. Оперативно-служебная документация в подобных случаях фиксирует фактически не имевшие места обстоятельства [50].

Различные варианты проверочной закупки преследуют специфические цели. Закупка наркотических веществ ориентирована на установление вида средства, технологии его изготовления, региональной принадлежности. Материалы подобного мероприятия обычно включаются в дело оперативного учета, однако следователю не передаются и в процессе доказывания не используются.

Частичная фальсификация результатов оперативно-розыскной деятельности проявляется иначе. Оперативные сотрудники направляют следователю рапорты либо справки, содержащие сведения о потенциальном поведении подозреваемого: возможном уклонении от следствия, вероятности совершения нового преступления, намерении воздействовать на потерпевших или свидетелей. Источник таких сведений остаётся нераскрытым по соображениям секретности. Судебные инстанции нередко принимают во внимание подобные материалы при избрании меры пресечения в виде заключения под стражу.

В процессе реализации отдельных оперативно-розыскных мероприятий – оперативного эксперимента, обследования помещений, транспортных средств и иных объектов – сотрудниками оперативных подразделений могут размещаться различные предметы или документы. К числу таких объектов относятся наркотические средства, психотропные вещества, предметы, составляющие взятку, денежные средства, банковские карты, золотые украшения, драгоценные камни, огнестрельное оружие, взрывчатые вещества, боеприпасы. Не исключено размещение поддельных документов, писем, вещей и предметов, имеющих отношение к расследуемым уголовным делам [52].

Создание ложных следов преступления представляет собой иной распространённый метод фальсификации. В этих целях применяются специальные химические вещества и иные составы. В рамках подготовки или проведения оперативного эксперимента сотрудники обрабатывают специальными химическими веществами, например, дверную ручку. При освещении ультрафиолетовым прибором на руках разрабатываемого лица обнаруживаются следы этих веществ. Факты наличия таких следов фиксируются в оперативно-служебной документации. В дальнейшем эти следы могут быть использованы в качестве доказательств по уголовному делу, при этом выявить фальсификацию становится крайне затруднительно, а порой представляется невозможным.

Обычно оперативные сотрудники вступают в сговор с отдельными участниками производства оперативно-розыскных мероприятий. Согласно положениям статьи 17 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности», отдельные граждане могут привлекаться к подготовке или проведению мероприятий с их согласия, при этом конфиденциальность их участия сохраняется по желанию. Содействие органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, может оказываться на контрактной основе. Примером реализации подобных действий служит дело А. Преля, где агенты выполняли функции, выходящие за пределы правомерной деятельности [82].

Искажение итогов оперативно-розыскной деятельности нередко влечёт за собой включение в материалы заведомо ложной служебной документации. Речь идёт прежде всего о суррогатных документах, призванных замаскировать сам факт фальсификации. Подобные действия позволяют придать искажённым сведениям внешнюю легитимность.

Специфическая форма подлога состоит в подмене подлинных материалов оперативно-розыскной работы при передаче их следствию. Манипуляции осуществляются преимущественно с информацией, зафиксированной на электронных носителях – флеш-накопителях, лазерных

дисках. Например, фальсификатор может представить модифицированную аудиозапись беседы между фигурантом и участником мероприятия, первоначально зафиксированную на диктофон. В подобных ситуациях злоумышленник привлекает соучастника, обладающего профессиональными навыками работы с цифровыми технологиями.

Таким образом, применяемые способы искажения материалов оперативно-розыскной деятельности выступает ключевым компонентом преступного механизма. Его анализ имеет существенное значение для построения криминалистической характеристики данной категории противоправных деяний. Используемый приём определяет формирование характерных следовых картин, образующих основу для разработки специализированной методики расследования.

Детальное изучение всех особенностей способа на этапах обнаружения и следственной проверки даёт возможность сформировать мысленную реконструкцию события. В ряде случаев это позволяет выдвинуть поисковые версии относительно локализации объектов-носителей криминалистически значимой информации, а также их идентификационных признаков. Методы подлога материалов оперативно-розыскной работы, как правило, характеризуются полноструктурностью: отчётливо прослеживается трёхзвенная организация действий, охватывающая этапы подготовки, исполнения и сокрытия преступного посягательства.

В той или иной степени проблему фальсификации результатов оперативно-розыскной деятельности невозможно рассматривать в отрыве от норм ст. 303 УК РФ, поскольку проблема фальсификации, это в большей степени проблема практики. И именно на практике возникает значительное число проблем, которые имеют тесную взаимосвязь с применением данной нормы, а также определением признаков общественно опасных отношений, подпадающих под санкцию данной статьи [51]. Это связано с тем, что понимание достоверности доказательств, полученных в ходе оперативно-розыскной деятельности неразрывно связано с понятием «фальсификация».

Можно привести пример, когда отсутствие в законе четкого определения фальсификации доказательств и необоснованно широкое его толкование привели к значительным практическим проблемам. Так, Р. обвинялся по ч. 3 ст. 303 УК РФ (фальсификация доказательств по уголовному делу о тяжком преступлении). В ходе предварительного следствия Р. в связи с обвинением его в тяжком преступлении избрана мера пресечения в виде заключения под стражу с последующим ее изменением на менее строгую. Согласно предъявленному обвинению Р. в группе лиц совершил фальсификацию доказательств по уголовному делу о тяжком преступлении путем их уничтожения. Своего рода спасением Р. от необоснованного осуждения стало Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28.06.2022 № 20 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях против правосудия», и по приговору Вологодского городского суда от 21.09.2025 он был оправдан по ч. 3 ст. 303 УК РФ. Суд указал, что объективную сторону ч. 3 ст. 303 УК РФ не образуют действия, выразившиеся в уничтожении предметов, являющихся вещественными доказательствами по уголовному делу [81].

Законодательством Российской Федерации внесены существенные изменения в УК РФ посредством Федерального закона № 207-ФЗ от 29 ноября 2012 года, дополнившего статью 303 положением о преднамеренном искажении данных оперативно-розыскных мероприятий. Нормативный акт устанавливает ответственность должностных лиц за умышленное искажение результатов оперативно-розыскной работы при необоснованном преследовании невиновных граждан либо намеренном нанесении ущерба общественному статусу, моральным качествам и профессиональной репутации личности. Данная правовая норма закреплена в четвертой части указанной статьи уголовного законодательства [98].

Криминализация фальсификации результатов оперативно-розыскной деятельности требует детального анализа квалификационных признаков

данного преступления с учетом охраняемых законом интересов правосудия и граждан.

Уголовный кодекс Российской Федерации включает термин «фальсификация» без конкретного определения, применяя его в нескольких статьях. Статья 142.1 УК РФ раскрывает основные способы фальсификации через представление недостоверных данных, неправомерное оформление документации, фальшивые подписи, модификацию или уничтожение материалов.

Практика показывает многообразие форм искажения результатов оперативно-розыскных мероприятий. Распространенными методами выступают внесение заведомо ложных сведений в документацию, физическое изменение содержания материалов путем подчисток или исправлений, а также создание фиктивных вещественных доказательств посредством подброса запрещенных предметов или изготовления поддельных документов [35].

Квалификация фальсификации результатов оперативно-розыскной деятельности определяется уровнем социальной угрозы действий правонарушителя и преследуемой целью искажения данных. Непреднамеренные погрешности при документальном оформлении мероприятий, включая неточности в датах, времени или неполное описание процедур, не влияющие на конечный результат, не считаются намеренным искажением информации. Подобные неточности в служебной документации подлежат корректировке во время предварительного следствия, влекущей административное взыскание вместо уголовного преследования.

Анализ степени общественной угрозы требует понимания статуса результатов оперативно-розыскной деятельности как базиса для формирования доказательной базы, но не прямых процессуальных доказательств. Применение данных материалов в уголовном судопроизводстве становится возможным после проверки соответствия критериям статьи 89 УПК РФ. Верховный Суд Российской Федерации, разъясняя применение статей 172.1, 198-199.1 УК РФ, обязывает судебные

инстанции при рассмотрении апелляций на постановления о возбуждении уголовных дел проверять законность проведенных оперативных мероприятий. Выявленные нарушения законодательства, делающие доказательства недопустимыми, исключаются из оценки признаков состава преступления (п. 5 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15 ноября 2016 г. № 48 «О практике применения судами законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности за преступления в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности» [77]).

В уголовно-правовой квалификации определение временных границ преступного деяния представляет существенную сложность при создании условий для последующего правонарушения через действия, образующие отдельный состав преступления. Правоприменительная практика сталкивается с необходимостью выбора между квалификацией деяний как совокупности преступлений, конкурирующих составов либо приготовления к последующему посягательству. Особую актуальность данный вопрос приобретает при рассмотрении фальсификации результатов оперативно-розыскной деятельности согласно ч. 4 ст. 303 УК РФ, когда преступники заранее подбрасывают запрещенные предметы, склоняют граждан к противоправным действиям или принуждают к участию в оперативных мероприятиях, применяя насильственные методы.

Н.Ю. Скрипченко указывает на существовавшую ранее правовую неопределенность относительно объективной стороны преступления по ч. 4 ст. 303 УК РФ, разрешенную впоследствии позицией Верховного Суда РФ [90]. Преднамеренное искажение материалов оперативно-розыскной деятельности уполномоченными должностными лицами квалифицируется согласно пункту 15 Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 20 от 28 июня 2022 года. Противоправные действия включают внесение ложных данных в документацию для органов дознания, следствия, налоговой службы или суда. Недостоверные сведения могут касаться фактического проведения мероприятий, списка участников, временных рамок, процедурных аспектов,

обнаруженных признаков правонарушений. Фальсификация распространяется на предоставление поддельных носителей информации и других объектов, якобы полученных в ходе оперативно-розыскных действий. Подделка документации также охватывает данные о лицах, вовлеченных в подготовку или совершение преступных деяний [76]. Уголовное законодательство предусматривает ответственность за фальсификацию результатов оперативно-розыскной деятельности согласно части 4 статьи 303 УК РФ при предоставлении недостоверных сведений уполномоченным должностным лицам.

Г.А. Кокурин отмечает специфику проведения оперативного эксперимента и обследования различных объектов, когда сотрудники правоохранительных органов размещают определенные предметы для достижения целей расследования. К таким объектам относятся наркотические вещества, денежные средства, драгоценности, оружие, взрывчатые материалы, документы и иные предметы, представляющие оперативный интерес по расследуемым уголовным делам [32]. До принятия разъяснений Верховным судом российские правоведы Е.Г. Быкова и А.А. Казаков рассматривали фальсификацию результатов оперативно-розыскной деятельности как комплексное правонарушение, включающее подделку вещественных доказательств путем размещения запрещенных предметов и фиктивных документов в жилых помещениях граждан либо учреждениях [10]. Последующая фабрикация материальных доказательств для подтверждения результатов оперативно-розыскной деятельности требует отдельного рассмотрения с позиции уголовного законодательства. Действия по созданию фиктивных предметов после проведения мероприятий либо при отсутствии таковых выходят за рамки объективной стороны преступления, предусмотренного частью 4 статьи 303 Уголовного кодекса Российской Федерации. Позиция Е.Г. Быковой и С.А. Яшкова о квалификации подбрасывания наркотических средств должностным лицом как совокупности превышения полномочий и преступления против здоровья населения

вызывает обоснованные сомнения. Данная трактовка не учитывает специфику объективной стороны состава преступления, направленного на фальсификацию результатов оперативно-розыскной деятельности [9].

В контексте правовой квалификации по статье 285.3 Уголовного кодекса Российской Федерации профессор П.С. Яни представляет расширенную трактовку понятия служебного подлога, включающую любые манипуляции с документацией, приводящие к модификации зафиксированных сведений, а не только физическую замену носителя информации [113]. Изменение фактического положения вещей или характера социальных взаимоотношений, отражаемых документацией, не квалифицируется как подлог.

Необходимо разграничивать два сценария: подброс запрещенных предметов или инсценировку получения взятки потерпевшими от преступных действий подстрекателя. Второй случай, описанный Пленумом № 20, характеризуется заменой вещественных доказательств, изъятых при оперативных мероприятиях, на фальсифицированные объекты либо предоставлением материалов несуществующих следственных действий для неправомерного возбуждения уголовного преследования.

Показательным примером служит осуждение сотрудника правоохранительных органов по части 4 статьи 303 УК РФ за фабрикацию доказательств мнимого преступления по части 1 статьи 238 УК РФ. Пособник оперативного работника приобрел у неустановленного продавца полулитровую стеклянную емкость с прозрачным содержимым, впоследствии представленную как доказательство покупки в торговой точке пострадавшей от противоправных действий [84]. Сотрудник оперативного отдела осуществил подделку документации по контрольным закупкам наркотических средств, предоставив для экспертного химического анализа заранее подготовленное психотропное вещество с содержанием амфетамина вместо реально изъятых материалов у подозреваемого. Противоправные действия должностного лица привели к вынесению неправомерного судебного решения против гражданина И.Е.В. [91].

Уголовная ответственность за искажение материалов оперативно-розыскной деятельности возникает исключительно при проведении мероприятий в отношении лица, заведомо непричастного к совершению преступных деяний [102]. Замена изъятых в ходе оперативно-розыскных мероприятий предметов преступления на объекты, оборот которых законодателем не криминализован, образует состав превышения должностных полномочий согласно статье 286 Уголовного кодекса Российской Федерации. Верховный Суд Российской Федерации придерживается аналогичной правовой позиции, квалифицируя уничтожение либо сокрытие должностными лицами предметов и документов, обладающих доказательственным значением для уголовного дела, не как фальсификацию доказательств, а по соответствующим составам преступлений против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления [76].

Преступная деятельность сотрудников правоохранительных органов нередко включает предварительную инсценировку противоправных действий с последующей фальсификацией оперативно-розыскных материалов. Показательным примером служит уголовное дело сотрудника уголовного розыска Макарова, осужденного по десяти эпизодам превышения должностных полномочий и незаконного оборота оружия и взрывчатых веществ. Преступная схема реализовывалась при содействии завербованных агентов, целенаправленно выбиравших социально неблагополучных граждан для последующей провокации. Агенты умышленно создавали ситуации, при которых намеченные жертвы обнаруживали заранее подготовленные Макаровым тайники с запрещенными предметами во время совместного употребления алкоголя. Дальнейшие манипуляции агентов побуждали граждан к незаконным действиям с обнаруженными предметами, что служило основанием для задержания. Материалы оперативно-розыскной деятельности, представленные Макаровым руководству, содержали ложные сведения о раскрытии данных преступлений [82].

Представленные противоправные деяния оперативного сотрудника подлежат дополнительной квалификации согласно части 4 статьи 303 Уголовного кодекса Российской Федерации. Умышленное внесение недостоверных данных в материалы, касающиеся мнимого получения информации от конфиденентов, составляет фальсификацию результатов оперативно-розыскной деятельности. Преднамеренное размещение взрывчатых материалов и вооружения квалифицируется по статьям 222 и 222.1 УК РФ, а склонение конфиденентов к противозаконным действиям образует состав преступления по части 1 статьи 286 УК РФ, создавая основу для последующей фальсификации согласно части 4 статьи 303 УК РФ.

Правомерное решение суда установило виновность старшего оперуполномоченного ОБЭП, применившего принуждение к руководителю автомобильной газозаправочной станции под угрозой прекращения деятельности предприятия. Злоумышленник потребовал трудоустройства знакомого лица с последующей незаконной заправкой бытового баллона. Предоставление следователю сфальсифицированных материалов оперативно-розыскной деятельности о якобы выявленном преступлении квалифицировано по части 1 статьи 286 и части 4 статьи 303 УК РФ [81].

Применение физического насилия к пострадавшим лицам создает благоприятную среду для манипуляций с материалами оперативно-розыскной деятельности. Сотрудники оперативных подразделений привлекались к уголовной ответственности по квалифицированным составам преступлений согласно пункту «а» части 3 статьи 286 Уголовного кодекса РФ и части 4 статьи 303 Уголовного кодекса РФ [80]. При подготовке фальсификации результатов оперативно-розыскной деятельности обвиняемый связался по телефону со знакомой женщиной для организации подставного задержания. Знакомая получила распоряжение найти человека и сообщить о его местонахождении с наркотическим веществом. Потерпевший, введенный в заблуждение просьбой забрать наркотическое средство из специально подготовленного тайника, подвергся задержанию прибывшими

сотрудниками. Сотрудник правоохранительных органов, применяя методы физического и психологического воздействия для фальсификации материалов в отношении гражданина А.А., нанес удар в область грудной клетки, повлекший падение пострадавшего на бетонное покрытие площадки и причинение физических и нравственных страданий. Применение насильственных методов воздействия вынудило гражданина признать вину в несовершенном преступлении. Последующая фальсификация включала составление документации о проведении оперативно-розыскных мероприятий: актов наблюдения, документов о выявлении преступления, протоколов опросов. Судебная инстанция исключила квалификацию по пункту «а» части 3 статьи 286 УК РФ, обосновав решение направленностью действий на фальсификацию результатов оперативно-розыскной деятельности, учитывая первоначальный отказ А.А. признать вину в преступлении, к которому непричастен.

Законодательная оценка фальсификации результатов оперативно-розыскной деятельности существенно отличается от квалификации превышения должностных полномочий при склонении граждан к преступным деяниям или применении насилия. Санкции уголовного законодательства демонстрируют различную степень общественной опасности данных деяний: часть 4 статьи 303 УК РФ предусматривает наказание до четырех лет лишения свободы, тогда как пункт «а» части 3 статьи 286 УК РФ устанавливает срок от трех до десяти лет.

Судебная практика апелляционной инстанции по делу оперативных работников вызывает серьезные возражения. Сотрудники осуществили подброс психотропного вещества в паспорт гражданина и применили наручники при задержании, что привело к заключению потерпевшего под стражу. Апелляционный суд исключил из квалификации норму о превышении должностных полномочий с применением спецсредств, повлекшим тяжкие последствия, ограничившись частью 4 статьи 303 УК РФ. Обоснование решения строилось на признании данной нормы специальной и

привилегированной, включающей цель незаконного преследования невиновного лица. Позиция суда о признании наручников способом совершения преступления по части 4 статьи 303 УК РФ, якобы препятствовавших избавлению от подброшенных веществ, представляется юридически необоснованной [1].

По мнению П.С. Метельского, при рассмотрении вопросов конкуренции правовых норм части 4 статьи 303 и статьи 304 Уголовного кодекса Российской Федерации необходимо учитывать специфику фальсификации результатов оперативно-розыскной деятельности, направленной на создание искусственных доказательств получения взятки либо коммерческого подкупа [55]. Признание фальсификации доказательств по уголовным делам согласно частям 2 и 3 статьи 303 УК РФ, равно как и фальсификации результатов оперативно-розыскной деятельности по части 4 статьи 303 УК РФ, представляет собой специфическую форму превышения должностных полномочий [10]. Составы преступлений, описанные статьей 303 УК РФ, исключают применение физического воздействия, специализированных средств принуждения, провокационных действий или имитации противоправных деяний третьими лицами. Несанкционированная передача денежных средств должностному лицу для создания искусственных доказательств, предусмотренная статьей 304 УК РФ, выступает лишь подготовительным этапом к последующему совершению преступного деяния, квалифицируемого по части 4 статьи 303 УК РФ, не вступая в конкуренцию с фальсификацией результатов оперативно-розыскной деятельности.

Криминальная практика демонстрирует множественные эпизоды создания правонарушителем благоприятных условий для последующего преступного деяния через совершение предварительного противозаконного действия. Высшая судебная инстанция определяет необходимость квалификации по совокупности преступных деяний случаев привлечения заведомо невиновного лица к уголовному преследованию или намеренного освобождения виновного на основе сфальсифицированных материалов

согласно ч. ч. 2-3 ст. 303 УК РФ совместно со ст. 299 либо ст. 300 УК РФ, руководствуясь п. 15 Постановления Пленума № 20. Аналогичный подход применяется при квалификации мошеннических действий, осуществленных с применением поддельных официальных документов, требующих правовой оценки по ст. 159 и 327 УК РФ (п. 7 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 30 ноября 2017 г. № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» [74]). При незаконном проникновении в помещение для совершения кражи преступник, умышленно разрушающий входные конструкции и запирающие механизмы, подлежит дополнительной квалификации согласно статье 167 Уголовного кодекса Российской Федерации при установлении существенного материального вреда владельцу жилища (п. 20 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2002 г. N 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» [75]).

Разграничение фальсификации результатов оперативно-розыскной деятельности требует особого внимания при рассмотрении незаконных действий правоохранительных органов, направленных на инсценировку или провоцирование преступлений. Судебная практика квалифицирует подобные деяния согласно статье 286 УК РФ как превышение должностных полномочий. Отсутствие в российском законодательстве аналога статьи 412-1 УК Республики Казахстан о провокации преступления обосновывает данную правовую позицию.

Специфика преступления, предусмотренного частью 4 статьи 303 УК РФ, заключается в прямой связи с оперативно-розыскной деятельностью правоохранительных органов. Сотрудники органов внутренних дел при совершении противоправных действий используют властные полномочия представителей государства. Законодательство об ОРД устанавливает обязательность исполнения законных требований должностных лиц для физических и юридических лиц, предусматривая ответственность за неисполнение или противодействие.

Анализ корреляции между служебным подлогом при осуществлении оперативно-розыскной деятельности и превышением должностных полномочий требует детального рассмотрения последствий для пострадавших лиц. Правоприменительная практика демонстрирует случай привлечения к ответственности начальника оперативного подразделения, сфабриковавшего доказательства сбыта наркотических веществ гражданином путем инсценировки проверочной закупки. Противоправные действия должностного лица повлекли неправомерное применение мер процессуального принуждения к невиновному лицу. Судебная инстанция при вынесении обвинительного заключения указала на отсутствие необходимости дополнительной квалификации тяжких последствий по ч. 4 ст. 303 УК РФ, поскольку данный признак охватывается составом преступления, предусмотренного п. «в» ч. 3 ст. 286 УК РФ [85].

Уголовный кодекс Российской Федерации устанавливает различную степень ответственности за ложный донос согласно части 1 статьи 306, предусматривающей наказание в виде лишения свободы сроком до двух лет, при этом квалифицированный состав данного преступления с искусственным созданием доказательств влечет более строгое наказание - до шести лет лишения свободы. Законодатель рассматривает модификацию документов оперативно-розыскной деятельности как менее тяжкое деяние по сравнению с инсценировкой преступления и принуждением граждан к самооговору. Практика судебных органов демонстрирует, что наиболее серьезные последствия для невиновных лиц возникают преимущественно вследствие провокационных действий, фальсификации материалов и оказания давления на потерпевших, нежели из-за искаженного документального отражения оперативно-розыскных мероприятий.

Несогласованность практических подходов к оценке фальсификации оперативно-розыскной деятельности, совмещенной с дополнительными правонарушениями, возникает вследствие размытых границ объективных признаков преступного деяния согласно ч. 4 ст. 303 УК РФ. Правовой анализ

нормативного положения и позиция Верховного Суда РФ указывают на фальсификацию результатов ОРД как документальный подлог при составлении материалов для следственных органов. За пределами состава преступного деяния по ч. 4 ст. 303 УК РФ находятся провокационные действия к нарушению закона, незаконное размещение запрещенных предметов, применение насилия или специальных средств воздействия на потерпевших. Подобные нарушения закона сотрудниками оперативных подразделений требуют квалификации по статье о превышении должностных полномочий (ст. 286 УК РФ). Граждане без должностного статуса, сознательно участвующие в провокации преступлений либо создании ложной картины правонарушения, подлежат привлечению к ответственности за соучастие в превышении полномочий.

3.2 Проблемы информационного обеспечения оперативно-розыскной деятельности

Масштабная цифровизация современного общества открывает широкие возможности для решения социальных задач, параллельно создавая благоприятную среду для противоправных действий, угрожающих национальной безопасности и стабильности государства.

Эффективное противодействие преступным проявлениям требует внедрения передовых цифровых разработок в деятельность МВД России для обеспечения конституционных прав граждан, поддержания правопорядка и защиты общественной безопасности на территории Российской Федерации.

Практическая реализация информационно-технологических решений существенно повышает результативность оперативно-служебной деятельности правоохранительных органов.

Статистические данные ГИАЦ МВД России за 2023 год демонстрируют высокую эффективность применения оперативно-справочных учетов при раскрытии более 700 тысяч преступлений, составляющих 68,5% от общего

числа. Использование современных технологий позволило установить местонахождение свыше 8 тысяч пропавших граждан и задержать около 30 тысяч лиц, совершивших противоправные деяния [22, с. 79]. Федеральная система отслеживания пассажиропотока «Розыск-Магистраль» обеспечивает комплексный мониторинг передвижений разыскиваемых и пропавших без вести граждан по железнодорожным, воздушным и водным маршрутам страны [68].

Аппаратно-программный комплекс «Безопасный город» служит эффективным инструментом документирования противоправных деяний и обеспечивает результативное расследование многочисленных преступных посягательств на территории муниципального образования [87].

В ходе расширенного заседания коллегии Министерства внутренних дел Российской Федерации, состоявшегося 3 марта 2021 года, Президент В.В. Путин акцентировал внимание на необходимости формирования действенного механизма защиты граждан и законопослушных предпринимателей от преступных посягательств в цифровой среде, подчеркнув приоритетность противодействия киберпреступности для ведомства [79].

Статистические данные и практическая деятельность ГИАЦ МВД России свидетельствуют о недостаточной эффективности действующих механизмов противодействия киберпреступности, что создает существенные риски для экономической и социальной безопасности граждан.

Стремительная эволюция криминальной среды, характеризующаяся трансформацией классических преступных схем и появлением инновационных форм противоправной деятельности в цифровом пространстве, требует от правоохранительных органов непрерывного совершенствования методов оперативно-розыскной работы и следственных мероприятий.

Масштабная модернизация информационно-технологической инфраструктуры МВД России обусловлена необходимостью формирования

качественно новых профессиональных компетенций сотрудников и внедрения передовых цифровых решений в практическую деятельность органов внутренних дел для эффективного противодействия современным криминальным вызовам [88].

Основные информационные ресурсы МВД России приведены в Приложении.

Аппаратно-программный комплекс «Безопасный город» представляет собой многофункциональную систему обеспечения общественного порядка. Комплексная информационная инфраструктура позволяет эффективно координировать работу специальных служб через современные технологии мониторинга и прогнозирования потенциальных рисков. Внедрение данной системы способствует значительному повышению уровня безопасности городской среды благодаря своевременному выявлению и предотвращению возможных угроз [28]. Автоматизированные механизмы взаимодействия между различными подразделениями обеспечивают оперативное реагирование на нештатные ситуации при поддержании порядка [18].

Внедрение современных информационных технологий существенно повышает результативность деятельности правоохранительных органов по обеспечению общественного порядка. Современные цифровые системы радиокommunikации обеспечивают надежную и бесперебойную передачу служебных данных при любых внешних условиях, включая сложный рельеф местности и плотную городскую застройку.

Архитектура телекоммуникационных комплексов включает множество мобильных узлов, требующих уникальной сетевой идентификации через публичные IP-адреса. Применение открытых IP-адресов сопряжено с техническими ограничениями в части надежности, масштабируемости и администрирования сетевой инфраструктуры.

Мобильные комплексы удаленного доступа к сервисам ИСОД обеспечивают участковым уполномоченным полиции территориальных

подразделений МВД России возможностями оперативной профилактики правонарушений. Технология VPN-туннелирования позволяет создавать масштабируемые распределенные системы с минимальным количеством IP-адресов при сохранении полной функциональности мобильных устройств [43].

Комплексное применение указанных решений формирует защищенную телекоммуникационную инфраструктуру для оперативного обмена значимой информацией между территориально распределенными подразделениями.

Модернизация информационного обеспечения правоохранительных органов достигла существенных результатов, хотя масштабный анализ данных глобальной сети остается нерешенной задачей.

Социологические исследования демонстрируют устойчивую тенденцию: двадцать процентов пользователей социальных платформ целенаправленно собирают сведения о конкретных личностях, десять процентов регулярно отслеживают активность близкого окружения. Подобная статистика указывает на преобладание разведывательной функции социальных медиа над коммуникативной [38].

Многогранность применения данных из социальных сетей создает необходимость разработки методологии профессионального анализа и систематизации размещенного контента для эффективного использования в оперативно-служебной деятельности [104].

Расширение источников данных для оперативно-розыскной деятельности требует включения современных технических средств наблюдения и контроля. Мобильные устройства, навигационные системы, камеры видеофиксации, имплантируемые датчики, очки виртуальной реальности, дроны и беспилотные транспортные средства, а также прочие цифровые устройства представляют существенную информационную ценность при проведении следственных мероприятий. Комплексное использование указанных технических средств позволяет значительно повысить эффективность оперативно-розыскных действий [65].

Современные методологические разработки в области оперативно-розыскной аналитики демонстрируют значительный потенциал при обработке целевых информационных массивов из специализированных источников. Комплексное внедрение передовых концептуальных подходов к анализу данных существенно расширяет возможности применения аналитического инструментария в профессиональной деятельности специальных служб [18]. Современная трансформация информационно-телекоммуникационных технологий требует кардинального пересмотра методологии проведения оперативно-розыскных мероприятий.

Массовое распространение специальных технических средств негласного получения данных привело к формированию двух противоположных тенденций среди населения. Первая группа рассматривает приобретение подобного оборудования как элемент технического хобби, вторая - целенаправленно использует данные устройства для незаконного сбора конфиденциальных сведений о частной жизни граждан.

Законодательный запрет на проведение оперативно-розыскных мероприятий неуполномоченными физическими и юридическими лицами обусловлен необходимостью защиты государственной тайны, служебной информации ограниченного доступа и прочих охраняемых законом сведений от несанкционированного получения посредством специальных технических средств [31]. Оперативно-технические подразделения органов внутренних дел осуществляют комплексное противодействие криминальному обороту специализированных технических устройств негласного получения сведений.

Противодействие нелегальному распространению специализированных технических устройств негласного получения сведений разделяется на два основных направления: оперативно-розыскные мероприятия по обнаружению и расследованию преступных деяний, а также превентивные меры профилактического характера.

Основной сложностью при расследовании преступлений по статье 138.1 Уголовного кодекса Российской Федерации выступает отсутствие четкой

дефиниции объекта правонарушения и сложность доказывания преднамеренности противоправных действий. Преодоление правовых пробелов в определении характеристик специализированных технических устройств частично реализовано через судебную практику. Ключевым документом стало постановление Конституционного суда РФ №3-П от 31.03.2011 по делу Капорина С.В., Коршуна И.В. и других граждан, где обозначен главный признак таких устройств - маскировка под предметы иного функционального назначения [72].

Отсутствие четких критериев определения специальных технических средств сохраняется даже после принятия соответствующего постановления Конституционным судом РФ. Постановление Правительства РФ № 214 от 10.03.2000 устанавливает признак камуфлирования лишь для средств негласного визуального наблюдения и документирования. Малогабаритность как характеристика отдельных категорий специальных технических средств, сложность выявления без специального оборудования и целевое назначение для определенных субъектов представляют собой размытые формулировки. Правоприменительная практика, основанная на сопоставлении параметров устройств с техническими характеристиками специальных средств, оказалась малоэффективной ввиду устаревания нормативной базы и ограниченности сферы регулирования средствами визуального контроля. Законодательное закрепление получила концепция возможности признания бытовых устройств специальными техническими средствами после их модификации.

25 декабря 2018 года Верховный суд Российской Федерации внес существенные изменения в правоприменительную практику относительно специальных технических средств негласного получения информации. Согласно опубликованной позиции, приобретение СТС, рекламируемых как бытовые приборы или устройства безопасности, не влечет уголовной ответственности при отсутствии умысла на противоправное использование [30]. Верховный суд обозначил принципиальную позицию касательно добросовестного заблуждения граждан, приобретающих подобные устройства

через общедоступные интернет-ресурсы без осознания их истинного предназначения. Законодатель установил дополнительные гарантии для граждан, использующих технические средства для обеспечения личной безопасности, защиты семьи или сохранности имущества. Существенным уточнением стало положение о признании бытовых устройств специальными техническими средствами исключительно при наличии преднамеренной модификации, направленной на придание функций скрытого получения информации [69].

Таким образом, Верховный суд РФ по сути легализовал широко применявшиеся к этому времени некоторые способы негласного получения информации: наблюдение родителей за ребенком при помощи смарт-часов, наблюдение при помощи трекеров навигационных систем за личным транспортом, использование фото- и видеокамер на объектах личной собственности (в жилище или на земельных участках). Внимание судов было обращено на необходимость в каждом случае устанавливать умысел на незаконное использование возможностей технических средств, а также на отнесение любой техники к категории СТС в том случае, если в результате доработки эта техника получила новые качества, позволяющие получать информацию негласно.

Разъяснение Верховного суда РФ являлось значительным этапом в разрешении проблемных вопросов, связанных с применением ст. 138.1 УК РФ и было подкреплено принятием Федерального закона от 02.08.2019 № 308-ФЗ, которым внесены важнейшие изменения в ст. 138.1 УК РФ. Важнейшим новшеством являлось отнесение программного обеспечения, предназначенного для негласного получения информации, к числу СТС.

Вместе с тем, несмотря на очевидные преимущества новой редакции ст. 138.1 УК РФ, ее современная формулировка еще очень далека от совершенства. Так, имеются существенные отличия криминализированных действий от действий со СТС, требующих обязательного лицензирования. Не предусмотрена уголовная ответственность за незаконную разработку, ввоз

(вывоз) через границу России. Вместо понятия «сбыт» используется термин «реализация», а приобретение требует лицензирования только при наличии цели последующей продажи. Незаконные действия, характерные для технического устройства (например, изготовление, производство, ввоз, вывоз) мало характерны для программного обеспечения, обороту которого свойственны такие действия, как разработка, приобретение и сбыт (как любая форма возмездного или безвозмездного отчуждения).

Проблемы законодательного регулирования этим не исчерпываются. Так, отсутствие в современном законодательстве законодательного закрепления понятия и признаков «технических средств двойного применения» позволяет свободно реализовывать малогабаритные и бескорпусные камеры. Примером таких технических средств, в частности, являются мини-камеры «Ambertek», «КАРКАМ СВН-7С». Мини Wi-Fi-камера «КАРКАМ СВН-7С» является бескорпусной камерой FullHD разрешения с ИК-подсветкой. Длина зрачка камеры составляет меньше 1 см, вес камеры – 154 гр. Устройство поддерживает карты памяти до 32 гигабайт, что позволяет вести непрерывную запись в течение 40 часов. Камера оснащена четырьмя ИК-светодиодами, позволяющими производить запись даже при полном отсутствии освещения. Емкий аккумулятор дает возможность обходиться без внешнего питания от 7 до 10 часов. Такая камера также не запрещена в продаже, т.к. при всем ее «шпионском» потенциале не является камуфлированной [29].

В этой связи основными векторами дальнейшего законодательного совершенствования должны стать: приведение перечня действий, криминализированных ст. 1381 УК РФ, в системное единство с нормативными документами в сфере лицензирования СТС; введение специальной нормы, криминализирующей незаконный оборот программного обеспечения, предназначенного для несанкционированного получения компьютерной информации; закрепление понятия и технических характеристик технических средств двойного применения.

Другим, не менее важным проблемным вопросом является документирование преступного умысла причастных к совершению преступления лиц. Отметим, что основным оперативно-розыскным мероприятием, проводимым в рамках реализации имеющейся оперативной информации о фактах незаконного оборота ТС, является «проверочная закупка». При этом зачастую оперативная видеозапись не позволяет сделать вывод об умысле виновного лица на осуществление заведомо противоправной деятельности, т.к. этот вопрос не выясняется, а в ряде случаев негласная аудио-, видеозапись указывает на отсутствие такого умысла. Например, с положительной стороны следует рассматривать взаимодействие следственных работников и оперативных сотрудников при расследовании уголовного дела по обвинению А.С. Ендерева в совершении преступления, предусмотренного ст. 138.1 УК РФ. Так, согласно акту проверочной закупки от 28 мая 2014 г., Ендеров сбыл оперуполномоченному БСТМ УМВД России по Рязанской области З. устройство в виде брелка автомобильной сигнализации со встроенной видеокамерой черного цвета, пояснив принцип работы устройства. На пояснение З., что это устройство необходимо для скрытой съемки, Ендеров ответил, что именно такие устройства заказывают для данной цели, что на сайте, где он заказывал данное устройство, есть еще разные приспособления для скрытого наблюдения, а именно игрушки с камерой и очки со встроенной в них камерой. На пояснения З., что такие устройства нельзя приобрести в магазинах электроники, Ендеров ответил, что их продажа является незаконной, т.к. такие «шпионские штучки» нельзя продавать в России и что мужчину, заказавшего данные приспособления, сразу «замели» [2]. В данном случае грамотная работа оперуполномоченного не оставляет сомнений в осведомленности подсудимого о совершении противоправных действий.

Превентивная деятельность правоохранительных органов по предотвращению незаконного оборота специальных технических средств требует системного подхода. Практика показывает недостаточное внимание к профилактическим мероприятиям при значительном акценте на выявлении и

раскрытии совершенных преступлений. Эффективное предупреждение правонарушений в сфере оборота запрещенной техники способствует существенному снижению количества преступных деяний. Комплексный анализ криминогенной обстановки, включающий изучение статистических показателей, криминологических характеристик правонарушителей и способствующих факторов, позволяет выработать действенные механизмы профилактики [16].

Приоритетными профилактическими мероприятиями выступают мониторинг потенциальных правонарушителей через анализ рекламных объявлений и торговых площадок, оперативное закрытие интернет-ресурсов, реализующих специальные технические средства, просветительская работа среди продавцов электронного оборудования. Модернизация системы противодействия незаконному обороту специальных технических средств требует совершенствования законодательной базы и пересмотра критериев оценки результативности оперативных подразделений органов внутренних дел с акцентом на предупреждение преступлений.

Заключение

Анализ научной литературы в отношении понятия и особенностей оперативно-розыскной деятельности, позволил установить, что: оперативно-розыскная деятельность требует четкой правовой регламентации, понятной как специалистам правоохранительных органов, так и широким слоям населения. Международное проведение оперативно-розыскных мероприятий по распоряжению Президента РФ нуждается в существенной законодательной доработке.

Совершенствование правового регулирования оперативно-розыскной деятельности за рубежом предполагает включение соответствующих положений в международные соглашения о правовой помощи при обязательном согласовании с уполномоченными органами принимающего государства.

Федеральный закон №144-ФЗ закрепляет основные задачи оперативно-розыскной деятельности. Научное сообщество предлагает различные классификации данных задач. Приоритетными направлениями выступают профилактика и раскрытие преступлений, поиск скрывающихся от правосудия лиц, розыск пропавших без вести граждан. Существенное значение имеет получение сведений об угрозах национальной безопасности России во всех ее аспектах, включая военную, экономическую, информационную и экологическую сферы, а также обнаружение имущества, подлежащего конфискации.

Оперативно-розыскная деятельность представляет собой эффективный механизм правоохранительной системы, обеспечивающий реализацию задач уголовного судопроизводства при наличии четкой правовой регламентации. Комплексный характер ОРД как независимого элемента правоохранительной структуры позволяет восстанавливать нарушенные права граждан, привлекать преступников к ответственности и компенсировать причиненный ущерб. Успешное выполнение отдельных процедур оперативно-розыскного

производства, включая регистрацию дел, выявление подозреваемых, инициирование уголовного преследования и формирование доказательственной базы, служит исключительно достижению основополагающих целей правосудия.

Существующая модель применения результатов оперативно-розыскной деятельности создает препятствия для совершенствования уголовного процесса. Модернизация данной системы необходима для гармонизации правовых норм, регулирующих уголовное судопроизводство и оперативно-розыскную работу. Действующее законодательство преимущественно регламентирует использование результатов ОРД через специальный закон и ведомственную инструкцию, минуя положения Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации.

Предлагаемые поправки к уголовно-процессуальному законодательству включают существенные дополнения:

во-первых, дополнить положения ст. 74 УПК РФ ч. 3: «В качестве доказательств также допускаются результаты оперативно-розыскной деятельности, полученные в ходе таких оперативно-розыскных мероприятий, как снятие информации с технических каналов связи, прослушивание телефонных переговоров, получение компьютерной информации, наведение справок, проведенных на основании судебного решения, при условии, что такие результаты отвечают требованиям настоящего Кодекса, а также содержат сведения, установление которых путем производства процессуальных действий невозможно либо нецелесообразно».

Статья 74 УПК РФ дополняется частью 3, регламентирующей использование материалов оперативно-розыскных мероприятий в доказательственной базе. Данные материалы, полученные при снятии информации с технических каналов связи, прослушивании телефонных переговоров, получении компьютерной информации и наведении справок по судебному решению, признаются допустимыми доказательствами при соответствии требованиям УПК РФ. Особую значимость приобретают

сведения, получение которых процессуальным путем невозможно или нецелесообразно.

во-вторых, дополнить УПК РФ ст. 84.1 «Результаты оперативно-розыскной деятельности»:

«1. Результаты таких оперативно-розыскных мероприятий, как снятие информации с технических каналов связи, прослушивание телефонных переговоров, получение компьютерной информации, наведение справок, допускаются в качестве доказательств в случае, если они отвечают требованиям настоящего Кодекса, а также содержат сведения, имеющие значение для предварительного расследования, вынесения справедливого приговора, установление которых путем производства процессуальных действий невозможно либо нецелесообразно.

Новая статья 84.1 УПК РФ «Результаты оперативно-розыскной деятельности» определяет условия признания полученных материалов доказательствами. Законодательное закрепление получают положения о необходимости вынесения постановления следователем, дознавателем или судьей для придания результатам ОРД доказательственного статуса. Материалы должны содержать значимые для расследования сведения, способствующие вынесению обоснованного приговора.

2. О признании результатов оперативно-розыскной деятельности в качестве доказательств следователь (дознаватель) судья выносит постановление»;

в-третьих, изложить ст. 89 УПК РФ в следующей редакции:

«Статья 89. Использование результатов оперативно-розыскной деятельности

Результаты оперативно-розыскной деятельности могут быть использованы:

1) для подготовки и осуществления следственных и судебных действий, выявления и установления лиц, подготавливающих, совершающих или совершивших преступления, с целью последующего получения доказательств;

2) результаты оперативно-розыскной деятельности могут использоваться в доказывании по уголовным делам в соответствии с положениями настоящего Кодекса, регламентирующими собирание, проверку и оценку доказательств;

3) результаты оперативно-розыскной деятельности могут использоваться для розыска лиц, скрывшихся от органов дознания, следствия и суда, уклоняющихся от исполнения наказания и без вести пропавших, имущества, подлежащего конфискации, т.е. с целью установления обстоятельств, подлежащих доказыванию, предусмотренных частью 1 статьи 74 настоящего Кодекса».

в-четвертых, Комплексное применение криминалистических методов существенно расширяет возможности оперативно-розыскных органов при выполнении поставленных задач. Научно обоснованная система криминалистического обеспечения включает правовые, организационные, исследовательские и методические компоненты, реализуемые специально уполномоченными субъектами. основополагающими принципами данной деятельности выступают законность, уважение прав граждан, конспиративность, комбинирование открытых и закрытых методов работы, безопасность участников, этичность, научная аргументация, комплексность подхода, рациональное соотношение централизованного и децентрализованного управления, результативность функционирования всех элементов

в-пятых, несогласованность практических подходов к оценке фальсификации оперативно-розыскной деятельности, совмещенной с дополнительными правонарушениями, возникает вследствие размытых границ объективных признаков преступного деяния согласно ч. 4 ст. 303 УК РФ. Правовой анализ нормативного положения и позиция Верховного Суда РФ указывают на фальсификацию результатов ОРД как документальный подлог при составлении материалов для следственных органов. За пределами состава преступного деяния по ч. 4 ст. 303 УК РФ находятся провокационные

действия к нарушению закона, незаконное размещение запрещенных предметов, применение насилия или специальных средств воздействия на потерпевших. Подобные нарушения закона сотрудниками оперативных подразделений требуют квалификации по статье о превышении должностных полномочий (ст. 286 УК РФ). Граждане без должностного статуса, сознательно участвующие в провокации преступлений либо создании ложной картины правонарушения, подлежат привлечению к ответственности за соучастие в превышении полномочий.

в-шестых, превентивная деятельность правоохранительных органов по предотвращению незаконного оборота специальных технических средств требует системного подхода. Практика показывает недостаточное внимание к профилактическим мероприятиям при значительном акценте на выявлении и раскрытии совершенных преступлений. Эффективное предупреждение правонарушений в сфере оборота запрещенной техники способствует существенному снижению количества преступных деяний. Комплексный анализ криминогенной обстановки, включающий изучение статистических показателей, криминологических характеристик правонарушителей и способствующих факторов, позволяет выработать действенные механизмы профилактики.

Приоритетными профилактическими мероприятиями выступают мониторинг потенциальных правонарушителей через анализ рекламных объявлений и торговых площадок, оперативное закрытие интернет-ресурсов, реализующих специальные технические средства, просветительская работа среди продавцов электронного оборудования.

Модернизация системы противодействия незаконному обороту специальных технических средств требует совершенствования законодательной базы и пересмотра критериев оценки результативности оперативных подразделений органов внутренних дел с акцентом на предупреждение преступлений.

Список используемой литературы и используемых источников

1. Апелляционный приговор судебной коллегии по уголовным делам Новгородского областного суда от 3 июля 2015 г. по делу № 22-888/2015 // Доступ из справ.-правов. сист. КонсультантПлюс.
2. Архив Советского районного суда г. Рязани. Приговор по делу № 1-13/2015 от 11.03.2015 г.
3. Баршев Я.И. Основания уголовного судопроизводства с применением к российскому уголовному судопроизводству. СПб.: Тип. 2 отделения Собств. е. и. вел. канцелярии, 1841. 465 с.
4. Басецкий И.И. Терминологический словарь к закону Республики Беларусь «Об оперативно-розыскной деятельности» / И.И. Басецкий, В.С. Гайдельцов ; М-во внутрен. дел Респ. Беларусь, Акад. МВД. Минск : Акад. МВД Респ. Беларусь, 2009. 67 с.
5. Белкин А.Р. Теория доказывания в уголовном судопроизводстве. М.: Норма, 2005. 854 с.
6. Белкин Р.С. Криминалистика и новые области научных знаний // Труды Омской высшей школы МВД СССР. 1973. Вып. 16. С. 15-20.
7. Бобров В.Г. Некоторые суждения по монографии Н.С. Железняк и А.Д. Васильева «Черные дыры» и «белые пятна» Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности»: юридические и лингвистические аспекты // Оперативник (сыщик). 2011. № 1 (26). С. 23-28.
8. Брянская Е.В. К вопросу процессуальной силы оперативно-розыскной информации в доказывании по уголовным делам коррупционной направленности // Российский следователь. 2024. № 11. С.45-51.
9. Быкова Е., Яшков С. Уголовно-правовая оценка действий должностных лиц по инсценировке преступления в сфере незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ или их прекурсоров // Уголовное право. 2017. № 2. С. 27-29.

10. Быкова Е.Г., Казаков А.А. Оперативный сотрудник как субъект фальсификации доказательств по уголовному делу // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. 2021. № 4. С. 46-49.

11. Быкова Е.Г., Казаков А.А. Особенности квалификации преступлений, предусмотренных статьей 303 Уголовного кодекса Российской Федерации: Учебное пособие. М.: Норма, 2022. 583 с.

12. Гармаев Ю.П. Проверка следователем результатов оперативно-розыскной деятельности // Актуальные проблемы борьбы с преступностью: вопросы теории и практики: Материалы XXV международной научно-практической конференции. В 2-х частях, Красноярск, 07-08 апреля 2022 года. Том Часть 1. Красноярск : Сибирский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2022. С. 118-120.

13. Горбанев В.М. Закономерности осуществления оперативно-розыскной деятельности // Ученые записки Казанского юридического института МВД России. 2020. Т. 5, № 2(10). С. 117-121.

14. Горяинов К.К. Оперативно-розыскная деятельность. М. : ИНФРА-М.2004. 831 с.

15. Гущин А.Н. Оперативно-розыскная деятельность: совершенствование форм вхождения ее результатов в уголовный процесс: Учеб.-практ. пособие / А.Н. Гущин, Н.А. Громов, Н.П. Царева. - М. : Шумилова, 2003. 115 с.

16. Демко Н.М., Исаков Р.В. Криптомаркеты – анонимные онлайн-рынки распространения наркотиков // Социально-экономические и правовые меры борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. Сборник научных статей по итогам Всероссийской научно-практической конференции. Рязань, 2021. С. 267-271.

17. Доля Е.А. Формирование доказательств на основе результатов оперативно-розыскной деятельности. М. : Проспект, 2014. 674 с.

18. Дряглина С.А. Совершенствование оперативно-розыскной деятельности с учетом использования информационно-

телекоммуникационных технологий // Цифровая трансформация системы МВД России: Сборник научных статей по материалам Международного форума. В 2-х частях, Москва, 20 октября 2022 года / Под редакцией И.Г. Чистобородова. Том Часть 1. М.: Академия управления Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2022. С. 253-258.

19. Евстигнеев Б.А. Проблемы криминалистического обеспечения оперативно-розыскной деятельности по делам, связанным с организованными преступными формированиями // Вопросы технико-криминалистического обеспечения раскрытия и расследования преступлений: сб. науч. ст. / под науч. ред. В.Н. Хрусталева. Саратов: СВШ МВД РФ, 1996. С. 9-12.

20. Жданов С.П. Участие специалиста в правоохранительной деятельности: монография. М. : Проспект, 2020. 272 с.

21. Железняк Н.С. Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности»: проект. Сибирский юридический институт ФСКН России: Красноярск, 2013. 96 с.

22. Житина В. С. Проблемы использования информационных технологий в оперативно-розыскной деятельности // Гуманитарные и правовые проблемы современной России : Материалы XVIII всероссийской студенческой научно-практической конференции, Новосибирск, 27-28 апреля 2023 года. Том Часть 1. Новосибирск: Издательский центр Новосибирского государственного аграрного университета «Золотой колос», 2023. С. 79-81.

23. Закон РФ от 13.03.1992 № 2506-1 (ред. от 02.07.1992) «Об оперативно-розыскной деятельности в Российской Федерации» // Ведомости СНД РФ и ВС РФ. 23.04.1992. № 17. Ст. 892.

24. Захарцев С.И. Наука оперативно-розыскной деятельности в первой четверти XXI века / С.И. Захарцев, В.П. Сальников // Юридическая наука: история и современность. 2023. № 7. С. 102-113.

25. Захарцев С.И. Является ли «оперативно-розыскная характеристика преступлений» категорией юридической науки ? / С.И. Захарцев,

В.П. Сальников // Юридическая наука: история и современность. 2023. № 6. С. 124-130.

26. Звягинцев В.В. Оперативно-разыскная характеристика деятельности транснациональных организованных преступных формирований в пограничной сфере Российской Федерации // Оперативник (Сыщик). 2017. № 1 (50). С. 46-48.

27. Земскова А.В. Теоретические основы использования результатов оперативно-розыскной деятельности при расследовании преступлений: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2002. 36 с.

28. Калашников И.В. Проблема использования результатов оперативно-розыскной деятельности в уголовном судопроизводстве / И.В. Калашников // Уголовно-процессуальное право - уроки истории и проблемы сегодняшнего дня : Сборник материалов всероссийской студенческой научной конференции, Пермь, 22 декабря 2021 года / Составитель Л.М. Фетищева. – Пермь : Пермский институт Федеральной службы исполнения наказаний, 2022. С. 54-56.

29. Каркам электроникс // URL: <https://carcam.ru>. (дата обращения 29.06.2025).

30. Климова М.И. Принципы оперативно-розыскной деятельности и их характеристика / М.И. Климова, А.В. Бердинский // Актуальные вопросы деятельности ОВД на современном этапе : Материалы внутриведомственной научно-практической конференции, Волгоград, 04 декабря 2020 года. - М. : ООО «Издательство «Спутник+», 2021. С. 28-31.

31. Ковалев А.В., Никушов С.С. Актуальные вопросы обращения со служебной информацией ограниченного распространения в оперативных подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации // Сборник научных статей по итогам Недели российской науки в Рязанском филиале Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя. 2020. С. 50-55.

32. Кокурин Г.А. О некоторых способах фальсификации результатов оперативно-розыскной деятельности // Российское право: образование, практика, наука. 2022. № 1. С. 76-81.

33. Колдаев В.М. Из истории практической криминалистики в России: применение науч. методов работы в розыске и расследовании преступлений: факты, док., коммент. М.: ЛексЭст, 2005. 373 с.

34. Колоколов Е.Ф. Правила и формы о производстве следствий, составленные по Своду законов коллежским асессором Е. Колоколовым. М.: Унив. тип., 1849. 398 с.

35. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный): в 2 т. Т. 2 / А.В. Бриллиантов, Г.Д. Долженкова, Э.Н. Жевлаков [и др.]; под ред. А.В. Бриллиантова. 2-е изд. М.: Проспект, 2016. 1032 с.

36. Комментарий к Федеральному закону «Об оперативно-розыскной деятельности»: учебное пособие / [под ред. Н.В. Павличенко]. М.: Академия управления МВД России, 2022. 383 с.

37. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 23.06.2025)

38. Красиков В.С. Дискуссионные вопросы совершенствования законодательства в сфере оперативно-розыскной деятельности и уголовного процесса / В. С. Красиков // III Минские криминалистические чтения : Материалы Международной научно-практической конференции, Минск, 15 декабря 2022 года. Минск: Академия МВД, 2023. С. 416-420.

39. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь-май 2025 года // МВД России: офиц. сайт. URL: <https://мвд.рф/reports/item/66517593> (дата обращения: 20.07.2025).

40. Криминалистика: учебник / ред.: А.Ф. Волынский, В.П. Лавров. 2-е изд., перераб. и доп. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2015. 944 с.

41. Криминалистика: учеб. / отв. ред. С.А. Голунский. - М. : Госюриздат, 1959. С. 13-14.
42. Криминалистическое обеспечение деятельности криминальной милиции и органов предварительного расследования / под ред. проф. Т.В. Аверьяновой и проф. Р.С. Белкина. - М., 1997. 538 с.
43. Кудрявцев А.В. О некоторых направлениях повышения эффективности оперативно-розыскного сопровождения выявления и расследования преступлений // Вестник Югорского государственного университета. 2024. Т. 20, № 1. С. 76-79.
44. Кулешов А.А. Анализ взглядов на понятие «оперативно-розыскная деятельность» // Курсантские исследования: Сборник научных работ / Могилевский институт МВД. Том Выпуск 2. Могилев: Учреждение образования «Могилевский институт Министерства внутренних дел Республики Беларусь», 2015. С. 91-93.
45. Кульчиков Д.Е. Исторический аспект становления и развития оперативно-розыскной деятельности в России // Вестник Уральского института экономики, управления и права. 2019. № 3. С. 37-43.
46. Ларичев В.Д., Щипов А.Н. К вопросу об оперативно-розыскной методике // Оперативник (Сыщик). 2016. № 2 (47). С. 13-16.
47. Лебедев В.И. Искусство раскрытия преступлений. СПб.: Тип. М-ва внутр. дел, 1909. Вып. 1: Дактилоскопия (Пальцепечатание); Вып. 2: Антропометрия; Вып. 3: Судебно-полицейская фотография. 598 с.
48. Лебедев В.И. Искусство раскрытия преступлений: дактилоскопия (пальцепечатание). 2-е изд., испр. и доп. СПб. : Тип. Штаба Отд. корпуса жандармов, 1912. 148 с.
49. Легостаев В.П. ОРД как вид правоохранительной деятельности и ее признаки. // Вестник академии знаний. 2013. №1. С. 194-198.
50. Макаров А.В., Страмилова Т.П., Фирсов О.В. Особенности квалификации фальсификации результатов оперативно-розыскной деятельности // Российский следователь. 2023. № 1. С. 57-61.

51. Маликова Н.Б. Система принципов оперативно-розыскной деятельности / Н.Б. Маликова, А.В. Мусалева // Научный портал МВД России. 2022. № 4 (60). С. 120-127.

52. Марциновская К.Д. О некоторых вопросах использования результатов оперативно-розыскной деятельности в качестве доказательств по уголовному делу / К.Д. Марциновская // Государство и право : Материалы 61-й Международной научной студенческой конференции, Новосибирск, 17-26 апреля 2023 года. Новосибирск : ИПЦ НГУ, Новосибирский национальный исследовательский государственный университет, 2023. С. 337-338.

53. Матвейчук Э.О. Проблемы информационного обеспечения оперативно-розыскной деятельности // Обеспечение общественной безопасности и противодействие преступности: задачи, проблемы и перспективы : Материалы Всероссийской научно-практической конференции, Симферополь, 20 мая 2022 года / Редколлегия: С.А. Буткевич, И.А. Петрожицкая, А.В. Гончарова [и др.], под общей редакцией С.А. Буткевича. Краснодар: Федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Краснодарский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации», 2022. С. 533-535.

54. Махтаев М.Ш. Некоторые теоретические аспекты криминалистического обеспечения предупреждения преступлений оперативными органами // Оперативник (Сыщик). 2017. № 3 (52). С. 51-56.

55. Метельский П.С. Уголовная ответственность за фальсификацию результатов оперативно-розыскной деятельности // Вестник Омского университета. Серия: Право. 2019. Т. 16. № 3. С. 151-154.

56. Можаров А.В. К вопросу о сущности и научном определении термина «Оперативно-розыскная деятельность» // За права военнослужащих. 2007. С. 518-521.

57. Назаров М.В. Изменение существующей парадигмы использования результатов оперативно-розыскной деятельности в уголовном процессе // Российский юридический журнал. 2023. №1. С. 127-139.

58. Никитин А.М. Взаимосвязь оперативно-розыскной деятельности и криминологии как фактор повышения эффективности борьбы с преступностью // Вопросы российского и международного права. 2023. Т. 13, № 9-1. С. 458-462.

59. О судебной статистике по коррупционным преступлениям за 2024 год // URL: <https://corrupt.pnzreg.ru/news/obshchestvo/458872/> (дата обращения: 02.09.2025).

60. Оперативно-розыскная деятельность: учебник / под ред. К.К. Горяинова, В.С. Овчинского, А.Ю. Шумилова. - М. : ИНФРА-М, 2021. 876 с.

61. Определение Конституционного Суда РФ от 01.12.1999 № 211-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Барковского Константина Олеговича на нарушение его конституционных прав частью четвертой статьи 127 УПК РСФСР, пунктом 1 части первой статьи 6 и пунктом 3 части первой статьи 7 Федерального закона «Об оперативно - розыскной деятельности» // Вестник Конституционного Суда РФ. № 2. 2000. С. 89-95.

62. Определение Конституционного Суда РФ от 04.02.1999 № 18-О «По жалобе граждан М.Б. Никольской и М.И. Сапронова на нарушение их конституционных прав отдельными положениями Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» // Вестник Конституционного Суда РФ. 1999. № 3. С. 25-29.

63. Определение Конституционного Суда РФ от 14.07.1998 № 86-О «По делу о проверке конституционности отдельных положений Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» по жалобе гражданки И.Г. Черновой». Особое мнение судьи Конституционного Суда РФ Т.Г. Морщаковой по делу о проверке конституционности отдельных положений Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности»

по жалобе гражданки И.Г. Черновой // Доступ из справ.-правов. системы КонсультантПлюс.

64. Организация информационно-аналитического обеспечения оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел: учебное пособие / В.В. Денисов, И.В. Горошко, Е.Н. Яковец [и др.]. Москва: Академия управления МВД России, 2017. 256 с.

65. Осипенко А.Л. Перспективы использования информационно-аналитических технологий в оперативно-розыскной деятельности // Общество и право. 2018. № 4. С. 69-74.

66. Основы уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик, (утв. Законом СССР от 25 декабря 1958 года «Об утверждении Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик») // Ведомости Верховного Совета СССР. 1959. № 1. Ст. 15.

67. Пинчук А.П. Тенденции конституционно-правового регулирования оперативно-розыскной деятельности / А.П. Пинчук // Российский конституционализм: уроки истории и современность (к 30-летию Конституции Российской Федерации 1993 года) : Материалы всероссийской научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 15 декабря 2023 года. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД РФ, 2023. С. 307-311.

68. Письмо ГУТ МВД России от 21.07.2025 № 14/3945 // Доступ из справ.-прав. системы КонсультантПлюс.

69. Постановление Верховного Суда РФ от 25.12.2018 № 46 «О некоторых вопросах судебной практики по делам о преступлениях против конституционных прав и свобод человека и гражданина (статьи 137, 138, 138.1, 139, 144.1, 145, 1451 Уголовного кодекса Российской Федерации)» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2019. № 2. С. 233-256.

70. Постановление ВЦИК от 15.02.1923 «Об утверждении Уголовно-Процессуального Кодекса Р.С.Ф.С.Р.» (вместе с «Уголовно-Процессуальным Кодексом Р.С.Ф.С.Р.») // СУ РСФСР. 1923. № 7. Ст. 106.

71. Постановление ВЦИК от 25.05.1922 «Об Уголовно-Процессуальном Кодексе (вместе с Уголовно-Процессуальным Кодексом Р.С.Ф.С.Р.) // СУ РСФСР. 1922. №20-21. Ст. 230.

72. Постановление Конституционного Суда РФ от 31.03.2011 № 3-П «По делу о проверке конституционности части третьей статьи 138 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан С.В. Капорина, И.В. Коршуна и других» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 15. Ст. 2191

73. Постановление НКВД РСФСР, Наркомюста РСФСР от 13.10.1918 «Об организации Советской Рабоче-Крестьянской Милиции (Инструкция)» // СУ РСФСР. 1918. № 75. Ст. 813.

74. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.11.2016 № 48 (ред. от 11.06.2020) «О практике применения судами законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности за преступления в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности» // Бюллетень Верховного Суда РФ. № 1. Январь, 2017.

75. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2002 № 29 (ред. от 15.12.2022) «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» // Бюллетень Верховного Суда РФ. № 2. 2003. С. 56-68.

76. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2022 № 20 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях против правосудия» // Бюллетень Верховного Суда РФ. № 9. Сентябрь, 2022. С. 25-35.

77. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 № 48 (ред. от 15.12.2022) «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» // Бюллетень Верховного Суда РФ. № 2. Февраль, 2018. С. 65-78.

78. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 31.10.1995 № 8 (ред. от 03.03.2015) «О некоторых вопросах применения судами Конституции

Российской Федерации при осуществлении правосудия» // Бюллетень Верховного Суда РФ. № 1. 1996. С. 13-20.

79. Президент Российской Федерации призвал органы внутренних дел к эффективной защите общества в цифровом пространстве. URL: <https://www.garant.ru/news/1449069/#sdfootnote1anc> (дата обращения: 09.07.2025).

80. Приговор Автозаводского районного суда г. Тольятти Самарской области от 2 июля 2020 г. по делу № 1-54/2020 // URL: <https://sudact.ru/regular/doc/Ji48laxe8eZl/> (дата обращения: 30.06.2025).

81. Приговор Вологодского городского суда от 21.09.2025 по делу № 1-4/202 // URL: <https://volgodskygorvld.sudrf.ru> (дата обращения: 01.10.2025).

82. Приговор Ленинградского районного суда г. Калининграда от 3 июня 2019 г. по делу № 1-23/2019 // URL: <https://sudact.ru/regular/doc/47fyGwwBUmX/> (дата обращения: 30.06.2025).

83. Приговор Ленинского районного суда г. Махачкалы Республики Дагестан от 14 февраля 2022 г. № 1-135/2022 1-980/2021 по делу № 1-135/2022 по обвинению в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 228.1 УК РФ // Доступ из справ.-прав. сист. КонсультантПлюс.

84. Приговор Мелекесского районного суда Ульяновской области от 28 декабря 2017 г. по делу № 1-93/2017 // URL: <https://sudact.ru/regular/doc/zAuibsRLLDd4/> (дата обращения: 30.06.2025).

85. Приговор Устиновского районного суда г. Ижевска Удмуртской Республики от 17 июня 2019 г. по делу № 1-9/2019 // URL: <https://sudact.ru/regular/doc/hs6KBNoKcHZx/> (дата обращения: 30.06.2025).

86. Приказ МВД России № 776, Минобороны России № 703, ФСБ России № 509, ФСО России № 507, ФТС России № 1820, СВР России № 42, ФСИН России № 535, ФСКН России № 398, СК России № 68 от 27.09.2013 «Об утверждении Инструкции о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд»

(Зарегистрировано в Минюсте России 05.12.2013 № 30544) // Российская газета. № 282. 13.12.2013. С.12-14.

87. Приказ МВД России от 25.11.2019 № 878 «Об объявлении решения коллегии Министерства внутренних дел Российской Федерации от 1 ноября 2019 г. № 3км» // Доступ из справ.-прав. системы КонсультантПлюс.

88. Приказ МВД России от 30.12.2015 № 1255дсп «Вопросы эксплуатации программно-технического комплекса «Розыск-Магистраль Министерства внутренних дел Российской Федерации» // Доступ из справ.-прав. системы КонсультантПлюс.

89. Сафонов А. Ю. Расследование фальсификации доказательств по уголовному делу и результатов оперативно-розыскной деятельности: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2020. 263 с.

90. Скрипченко Н.Ю. Квалификация преступлений против правосудия в свете новых разъяснений Пленума Верховного Суда РФ // Уголовное право. 2023. N 1. С. 46-49.

91. Справка о результатах обобщения судебной практики по применению судами норм главы 49 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих возобновление производства по уголовному делу ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств, утв. президиумом Смоленского областного суда 27 декабря 2021 г. // СПС «Гарант».

92. Стельмах В.Ю. Ведомственные акты МВД России по проблемам уголовно-процессуальной и оперативно-розыскной деятельности / В.Ю. Стельмах // Актуальные проблемы полицейского права : Материалы международной научно-практической конференции, Омск, 01-02 июня 2023 года. Омск: Омская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2023. С. 50-54.

93. Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса: в 2 т. Т. 1: Основные положения науки советского уголовного процесса. М.: Наука, 1968. 385 с.

94. Торвальд Ю. Век криминалистики / пер. с нем.; под ред. и со вст. ст. Ф.М. Решетникова. 3-е изд. - М. : Прогресс, 1990. 323 с.

95. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 23.07.2025) // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (дата обращения: 23.06.2025)

96. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 27.10.1960) (ред. от 29.12.2001, с изм. от 26.11.2002) (с изм. и доп., вступающими в силу с 01.07.2002) // Свод законов РСФСР. Т. 8.

97. Федеральный закон от 12.08.1995 № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (ред. 28.02.2025) // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_7519/ (дата обращения: 23.06.2025)

98. Федеральный закон от 29.11.2012 № 207-ФЗ (ред. от 03.07.2016) «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 29.11.2012.

99. Филимонов Б.А. О понятии оперативно-розыскной деятельности // Вестник Московского университета. 1996. № 4. С. 28-40.

100. Фойницкий И.Я. Курс русского уголовного судопроизводства: в 2 т. СПб.: Изд. В. Лесникова, 1884. Т. 2. 495 с.

101. Фролкин Н.П., Яковец Е.Н. Теоретические аспекты криминалистического обеспечения оперативно-розыскной деятельности // Российский следователь. 2022. № 6. С. 52-56.

102. Халиков А.Н. Умысел при совершении преступлений против правосудия // Юрист-Правоведь. 2022. № 4. С. 18-22.

103. Чебышев-Дмитриев А.П. Русское уголовное судопроизводство по судебным уставам 20 ноября 1864 г. СПб.: В.П. Печаткин, 1875. 628 с.

104. Червинский Е.В., Цапаев Д.Г. О некоторых аспектах использования возможностей социальных сетей в оперативно-розыскной

деятельности // Актуальные вопросы современной юридической науки: теория и практика, методика: сборник материалов II Международной заочной конференции. Могилев, 2017. С.184-190.

105. Чечетин А.Е., Шатохин И.Д., Шмидт А.А. Оперативно-розыскная деятельность в решениях Конституционного Суда Российской Федерации: Науч.-практич. пособие. Барнаул: Барнаульский юридический институт МВД России, 2022. 498 с.

106. Чумаров С.А. О правовой форме принудительных процедур, применяемых при осуществлении оперативно-розыскной деятельности / Оперативник (сыщик). 2015. № 3 (44). С. 45-47.

107. Шарапуто М.В. Правоохранительные органы // СПС КонсультантПлюс.

108. Шведчикова В. Понятие и задачи оперативно-розыскной деятельности // Вопросы права. 2024. №3. С. 174-179 // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-i-zadachi-operativno-rozysknoy-deyatelnosti> (дата обращения: 13.06.2025)

109. Шейфер С.А. О возможности использования результатов оперативно-розыскной деятельности в доказывании по уголовному делу // Актуальные проблемы современного уголовного процесса России: сб. науч. ст. / под ред. В.А. Лазаревой. Самара: Самар. ун-т, 2005. С. 64-66.

110. Шумилов А.Ю. Оперативно-разыскная наука в Российской Федерации: монография: в 3 т. М.: Издательский дом Шумиловой И.И., 2014. Т. 2. 416 с.

111. Якимов И.Н. Криминалистика. Руководство по уголовной технике и тактике. Новое изд., перепеч. с изд. 1925 г. М.: ЛексЭст, 2023. 496 с.

112. Яковец Е.Н. Основы информационно-аналитического обеспечения оперативно-розыскной деятельности таможенных органов: монография. Люберцы: РИО Российской таможенной академии, 2019. 298 с.

113. Яни П. Фальсификация единых государственных реестров (статья 285.3 УК): вопросы квалификации // Законность. 2021. № 8. С. 40-45.